

The background of the poster is a dark, atmospheric scene set within a gothic-style cathedral or castle. In the foreground, an elderly man with a white beard and a purple robe is shown from the chest up, looking directly at the viewer with a serious expression. Behind him, a group of characters are visible: a man in a brown cloak and hat, a man in a dark tunic holding a bow, and a man in a light-colored tunic pointing his finger. A large, bright flame is visible in the background, casting a warm glow. The overall mood is mysterious and dramatic.

Генри Лайон
ОЛДИ

БЕЗДНА
ГОЛОДНЫХ ГЛАЗ

КЛАССИКА ФИЛОСОФСКОГО БОЕВИКА

Генри Лайон Олди

Восставшие из рая

Серия «Бездна Голодных глаз», книга 9

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144891
Бездна Голодных глаз: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52075-6*

Аннотация

Один за другим уходят боги, вливаясь в душу Сарта-Мифотворца. Только так можно подхватить и удержать крышу Дома-на-Перекрестке, готовую в любой момент рухнуть на наши головы. Жесток и опасен мир, в котором правит бал таинственная Зверь-Книга. Все попавшие под ее влияние – угодившие в Переплет, – становятся словами и знаками, призраками и марионетками, утрачивая самостоятельность.

Бездна Голодных Глаз по-прежнему хочет вырваться в наш мир.

[Видео о цикле «Бездна Голодных глаз»](#)

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Книга первая | 4 |
| Сага о разобранной крыше | 4 |
| Глава первая | 4 |
| Глава вторая | 10 |
| Глава третья | 14 |
| Глава четвертая | 17 |
| Глава пятая | 21 |
| Глава шестая | 26 |
| Интермедия | 30 |
| Сага о совсем другом месте | 31 |
| Глава седьмая | 33 |
| Глава восьмая | 40 |
| Глава девятая | 43 |
| Глава десятая | 47 |
| Глава одиннадцатая | 49 |
| Глава двенадцатая | 55 |
| Глава тринадцатая | 60 |
| Глава четырнадцатая | 68 |
| Глава пятнадцатая | 72 |
| Интермедия | 78 |
| Сага о книжном ларе | 84 |
| Глава шестнадцатая | 84 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 90 |

Генри Лайон Олди

Восставшие из рая

В жизни все не так, как на самом деле.
Станислав Ежи Лец

Книга первая

Попавшие в переплет

Сага о разобранной крыше

*И вот во сне явился к нему маленького роста
кошмар в брюках в крупную клетку и глумливо
сказал: – Голым профилем на ежа не сядешь!..*
Михаил Булгаков

Глава первая

*О, верните
крылья!
Мне пора!
Умереть,
как умерло вчера!
Умереть*

Ф.-Г. Лорка

...А угрюмый Бакс все тащился за мной, по щиколотку утопая в прошлогодней хвое, и с каким-то тихим остервенением рассуждал о шашлыках, истекающих во рту всем блаженством мира, о поджаренном хлебе на горячем шампуре, о столовом красном в пластмассовом стаканчике, и о многом другом, оставшемся в рюкзаках, оставшихся в байдарках, оставшихся у места стоянки на берегу... и Талька молчал, устав спрашивать меня – папа, а скоро мы выйдем обратно?

Скоро, сынок... и я двигался, как сомнамбула, поглядывая на хмуращееся небо, на завязанные в узлы стволы чахлых сосен-уродцев, и никак не мог понять, что же меня раздражает больше – злобная безысходность леса, болтовня Бакса или всепрощающая покорность моего измученного сына.

Черт нас дернул потащиться искать хутора! Ехидный, лохматый черт, нашептавший в ухо идею прикупить сальца, молодой картошечки и крепчайшего местного самогона на пахучих травах, – чтоб тебя ангелы забрали, искуситель проклятый!

– Крыша, папа, – тихо сказал Талька, и я не сразу понял, о чем это он, а потом на нос мне упала холодная скользкая капля, и еще одна, а Бакс заорал от радости дурным голо-

сом, схватил Тальку за руку, и все мы кинулись через искореженный подлесок – туда, где в просвете между деревьями мелькнула серо-стальная черепица остроконечной крыши.

Мы бежали, оступались, гремели банками и бидонами, а неспешный дождь шелкал вокруг нас мокрой плетью, и мы влетели на хутор, влетели в этот оазис цивилизации – пять домов-изб, один флигель и с дюжину всяческих пристроек – и через десять минут вся наша радость бесследно улетучилась.

Хутор был пуст. Не заброшен, а именно пуст. И в одном из незапертых домов, куда мы самовольно вошли, на кухне стояла кастрюля с холодным гречневым кулешом. Примерно вчерашним. Съедобным.

– Тайна «Марии Целесты», – пробормотал Бакс, протирая очки полой рубашки. – Бермудская деревня. Гигантский гриб-людоед...

– Крысолов из Гаммельна, – немедленно подхватил эрудированный Талька. – С дудкой. Пап, теперь твоя очередь...

Я промолчал. Не нравился мне этот хутор. Особенно флигель, где кто-то глухо стонал. Бакс заткнулся, глядя на меня, прислушался, и, судя по выражению его лица, ему все это тоже не понравилось.

– Пошли, Анджей, глянем, – предложил Бакс и, не дожидаясь ответа, двинулся первым. Я переставил зашипевшего было Тальку себе за спину и тоже направился к флигелю. Дождь оживленно заскакал вокруг нас, приплясывая и брыз-

гаясь, но я не понял причин его веселья, пока не вошел в полуотворванную дверь, – и дождь вошел следом.

Крыша флигеля была разворочена вдребезги, и серое небо просачивалось сквозь дыры между балками перекрытий и обломками черепицы. Мебель – если драный тюфяк на деревянной подставке, разохшуюся тумбочку и кучу мелкой ерунды можно назвать мебелью – была дряхлой, сморщившейся и хрипло дышала на ладан.

Как и сухонькая старуха, лежавшая на тюфяке.

Талька испуганно засопел за моим плечом. Бакс зачем-то пригладил мокрые волосы и стал ожесточенно копать в своей всклокоченной бороде.

– Здравствуйте, бабушка, – ни к селу ни к городу заявил мой сын.

Бабушка разлепила один глаз, оказавшийся неприятно хищным и цепким, оглядела всю нашу компанию и зашлась сухим, резким кашлем.

Я попятился, а в голову лезла всякая дурость, вроде «ты меня накорми, напои, в баньку своди... что там еще?... самогону нацеди...».

Бакс открыл рот, закрыл его, снова открыл – и лучше бы он этого не делал.

– Что вы здесь делаете, женщина? – командирским тоном осведомился Бакс.

Бабка пожевала впалыми губами, заворочалась и попыталась оторвать голову от тюфяка.

– Помираю я, – натужно прохрипела она и после долгой паузы добавила: – Здесь...

Налет нервного хамства мигом слетел с Бакса. Он вообще-то парень отличный, с понятием, и безотказный до упора – но часто реагирует на ситуацию неадекватно, за что и страдает. Девушки в наше время не любят чрезмерно порядочных... Впрочем, Ася его любила.

– Может, «Скорую» вызвать? – робко предложил Талька и стал озираться в поисках телефона. Что поделаешь, городской ребенок...

Пора было принимать волевое решение. Я приблизился к ложу, присел подле старухи – и меня поразил запах, стоявший у смертного одра. Чистый, прохладный запах ночного озера со спящими кувшинками и серебряным плеском рыбы... Странная ассоциация, совершенно не к месту – но тогда она не показалась мне странной. Я подумал, что в таком месте в голову и должны приходить ненормальные мысли, и тут же возникло ощущение, что все мы – и я, и Талька, и Бакс, и старуха – запутались в некоей бесконечной и туманной паутине, причем совершенно неясно, кто мы – пауки, мухи или сошедшие с ума туристы и выжившая из того же ума полудохлая Яга...

Ощущение мелькнуло и погасло, оставив после себя легкий холодок.

– Люди-то где, хозяйка? – мягко поинтересовался я, касаясь лба старухи.

Бакс и Талька придвинулись ближе, и мой сердобольный наследник опустил на корточки, тронув свесившуюся вниз узкую руку с синими старческими венами.

Бабка покосилась на Тальку, и я вздрогнул, увидев ее хищно-ласковый взгляд и костлявые пальцы, дернувшиеся в сторону и словно помимо воли хозяйки сомкнувшиеся на запястье мальчишки; и я еще подумал, что так, наверное, смотрит голодная рысь на свое потомство.

– Ушли люди... Сказано ведь – помираю я... вот и ушли... все... ушли, сынок... и вы бы уходили...

Она все держала Талькино запястье, слабо дергая плечом, будто пытаясь оторвать непокорные пальцы; и сухонькое старушечье тело внезапно напряглось, натянулось струной, связующей нитью между белобрысым мальчишкой тринадцати лет от роду и чем-то неясным, неведомым, что дрожью обожгло мне ладонь, когда я трогал бабкин лоб.

Я только никак не мог понять, откуда во мне это брожение мыслей и полное отсутствие безразличности, – а она-то должна была быть, уж я себя знаю...

Бакс потоптался и решительно двинулся в обход импровизированной кровати.

– Давайте-ка ее в дом перенесем. Слышишь, Энджи, берись с той стороны... под крышу ее надо, дождь ведь, а тут разворотили все не по-людски, гады, и смылись...

– Не надо под крышу, – шептала старуха, пока мы с Баксом бережно поднимали ее. – Не надо... под крышу... оставьте...

черт вас принес, ироды... оставьте...

Голос прервался, и вся она сразу стала гораздо тяжелее.

— Она умерла, — с недетской уверенностью сказал Талька. — Папа, дядя Бакс, положите ее здесь. Не надо ее никуда уносить. Честное слово, не надо...

И я понял, что он прав.

Глава вторая

*Глаза мои бродят сами,
глаза мои стали псами.*

Ф.-Г. Лорка

Лес изменился. Он не стал реже или приветливей, зато теперь я точно знал, куда нам надо идти. Довольно далеко, до излучины, а там еще вдоль реки к байдаркам — но в направлении я почему-то не сомневался. Словно компас проглотил...

— Талька, — спросил я, — куда пойдем?

— Туда, — махнул рукой мой сын, не задумавшись ни на минуту. — А потом налево по берегу...

Бакс только облизал губы и кивнул головой.

Старуху мы похоронили за флигелем — в сарайчике нашлась лопата и брезент, заменивший и саван, и гроб; Бакс соорудил грубый крест, а Тальку я отогнал подальше, но он

все равно подглядывал из-за угла флигеля – в общем, все как положено, только вот я не знал, так оно положено или совсем не так.

Молитв мы не помнили, никаких документов не нашли, а Бакс зло плюнул и сказал, что вечером обязательно помянет покойницу, а в окружном магистрате сообщит кому следует.

Так что мы пошли обратно, набивая имевшуюся у нас тару свежими маслятами, невесть откуда взявшимися и бросающимися буквально под ноги, – но настроение все равно было пакостным, хотя дождь притих, и между серыми обрывками туч стало проглядывать некое подобие солнца.

Потом Талька обнаружил какую-то птицу, сизую, скрипучую и нахальную, и они с Баксом заспорили, как та называется, а я отстал, но Бакс вскоре подошел ко мне и начал молча ковырять палкой землю. Так мы и стояли и молчали, пока Талькин крик не сорвал нас с места, и пока я бежал, спотыкаясь и моля Бога прекратить сегодняшний дурацкий эксперимент, – я снова ясно увидел паутину, кишевшую чем-то живым, и от мест пересечения волокон исходила уже знакомая мне дрожь, заставляя вибрировать всю бесконечность нитей; превращая паутину в белесый туман, сквозь который просматривалась нелепо-черная сердцевина...

Сосны разбежались в разные стороны, до пояса утонув в клочьях налипшего тумана, и мы оказались на опушке – если можно представить себе опушку, возникшую прямо в середине леса. Выходит, можно – потому что все остальное пред-

ставить себе было гораздо сложнее.

Огромная толпа народа, словно сбежавшая массовка из плохого фильма про средневековые крестьянские бунты; вкопанный в землю и обложенный взъерошенными вязанками хвороста столб, к которому...

Даже на расстоянии ошибиться было невозможно. У столба полувисела на невидимых из-за дальности веревок давешняя старуха из флигеля. Которую мы два часа назад успешно похоронили. Или ее сестра-близнец.

Из толпы – я уж потом сообразил, что вся ситуация развивалась совершенно беззвучно, – вышел кряжистый мужик с взлохмаченной бородищей и медленно двинулся к столбу, помахивая вяло разгоравшимся факелом.

Он шел и шел, а я стоял и стоял, пока вопль Бакса не встряхнул меня, прервав оцепенение:

– Энджи, бери факельщика!..

Это была одна из немногих ситуаций, на которые Бакс реагировал мгновенно и адекватно. Я еще только разворачивался да примеривался, а он уже пронесся мимо Тальки, с ужасом глядевшего на женщину у столба, и врезался в толпу.

И мне не осталось ничего другого, как кинуться следом.

– Папа, да сделай хоть что-нибудь! – ударил мне в спину истощенный крик моего сына.

Мы неслись сквозь плотный тягучий туман, и люди по мере нашего продвижения в их массе таяли, превращаясь в ничто; а я все бежал, пронизывая бесплотную толпу, пока не

врезался лбом в возникшую передо мной сосну и не свалился на землю.

Лежа, я зачем-то кинул в бородача с факелом шишкой, и она пролетела через него, в районе груди, попав в Бакса, – который, по всей видимости, промчался сквозь факельщика и последовал моему примеру, чувствительно войдя в соприкосновение со стволом дерева.

Два здоровых мужика, беспомощные, как младенцы, сидели на сырой земле и, кусая губы, смотрели на призрачного бородача, как тот делает шаг к столбу со старухой... поднимает факел над головой... и мне вдруг мерещится, что у столба вовсе не старуха, а моя жена, оставшаяся с байдарками, а на палаче развешивается широкое бело-серебряное одеяние...

– Папа, да сделай хоть что-нибудь!

Топот конских копыт позади меня громом прокатился по лесу – и я весь сжался, ожидая, что это будет первый и последний звук – первый за все время этой невероятной казни и последний в моей жизни... и я еще успел увидеть, как факельщик недоуменно оборачивается...

Словно выключили невидимый кинопроектор – ни столба, ни дядьки с факелом, ни толпы, ни опушки. А на том месте, где только что была груда вязанок хвороста, росла семья молодых маслят. Глянцевых, упругих и наверняка не червивых.

Во всяком случае, мне так показалось.

Бакс встал, пнул грибы ногой и изо всех сил ударил кулаком в дерево, разбив руку в кровь. Потом он коротко всхлипнул, провел тыльной стороной ладони по лицу и стал похож на рыжего клоуна. На плачущего рыжего клоуна.

– Сволочи, – ни к кому не обращаясь, выдавил Бакс. – Мрази поганые... Ишь, расколдовались...

– Папа, – тихо спросил подошедший Талька, – ты очень больно ударился?

– Сволочи, – еще раз буркнул Бакс.

– Кто? – я попытался улыбнуться и не смог.

Он не ответил.

...Через два с половиной часа мы вышли к байдаркам. Моя жена чуть не убила нас всех, но мы покорно выслушали ее аргументы в пользу нашей общей никчемности и бестолковости и принялись готовить еду.

До вечера мы почти не разговаривали. А перед самым сном мы с Баксом выпили по два стаканчика. Молча.

Талька сидел рядом.

Глава третья

*Люди шли за летом,
осень – следом.*

Последующие пять дней были до отказа заполнены сбором ягод, рыбной ловлей, мозолями от весла и прочими прелестями жизни. Бакс учил Тальку каким-то немислимым приемам, супруга моя истекла счастьем и покоем, что с ней случалось отнюдь не часто, я добросовестно разделял это благостно-расслабленное состояние, но в действительности не мог отпустить себя ни на секунду.

Во-первых, меня беспокоил Талька. На поляне, усыпанной спелой земляникой, он мог застыть, как истукан, уставясь на неведомый стебель местного лопуха и морща лоб, словно он (Талька, а не лопух!) видит старого знакомого и никак не может вспомнить, как того зовут. И место для стоянки он определял теперь безошибочно – без комаров, с подветренной стороны; и вообще...

Во-вторых, меня беспокоил Бакс. Он ходил, словно отравленный, и временами мне казалось, что в добром толстом дяде Баксе кипит скрытый котел с плотно пригнанной крышкой, и надо бы успеть увернуться, когда тот взорвется.

Со мной раньше случалось нечто подобное. Это когда какому-нибудь гаду надо было дать по морде, а ты не дал – по причинам социальным, этическим или просто от интеллигентской трусости – и потом ходишь, как дерьма наелся, все это перевариваешь, если не сбрасываешь на кого-то безвинного и случайно подвернувшегося под руку.

Бакс называл это... не помню уже как, но это именно оно и было.

В-третьих, меня беспокоил я. Я видел туманную паутину. Я видел ее раз пять-шесть; более того, я чувствовал нашу зависимость от ее колыхания. Дернется нить, и рыба на вечерней зорьке клевать не будет, сколько ни прикармливай и ни чертыхайся шепотом. Или грибов сегодня есть не следует, а следует давиться макаронами, потому что волнение прошло по дальним волокнам, и легкая рябь соизволила докатиться до нас.

Я морщился, как от головной боли, тайно глотал пенталгин и видел проклятую паутину; Инга поглядывала на меня с недоумением, а Талька – с сочувствием.

А когда мы добрались до Браншвейга и Бакс тут же отправился в местную ратушу, а потом вернулся оттуда злой до бледности и долго показывал мне, не стесняясь Тальки, что бы он сделал с местными бюрократами, не желающими приподнимать свои толстые задницы, – я занервничал до рези в желудке.

Я понял, что чувствуют марионетки, когда их достают из сундука.

– Баксик, – сказал я, – берем билеты и едем домой. Дома хорошо, дома есть пиво и телевизор, дома есть мягкий диван – и никаких галлюцинаций. Мы берем отличное купе на четверых и немедленно едем домой. Ты понял меня, Баксик? Мы идем с тобой в кассы, достаем из кармана бумажник...

– Да, – ответил Баксик – нет, незнакомый и суровый Бакс. – Да, пора домой. Ты, Энджи, идешь в кассы, берешь три билета, ты берешь Ингу, Тальку и одну байду, и вы все вечером мотаете отсюда к пиву, дивану и такой-то матери от греха подальше. Займешь мне место на диване и купишь лишний литр пльзеньского. Жди меня, Энджи, и я вернусь. Позже.

– Хорошо, – сказал чей-то холодный и спокойный голос, и я с удивлением обнаружил, что этой мой собственный голос. – Хорошо, Баксик, но не совсем так. Я беру два прекрасных билета, и Инга с Талькой едут налегке. Я иду в кассы, не спуская с тебя пристального взгляда, я иду в кассы...

– Папа, ты возьмешь один билет, – Талька крепко сжал мою руку и улыбнулся чужой, взрослой улыбкой. – Один билет для мамы. Иначе я ей все расскажу. Все-все...

И я пошел в кассу и взял один билет. До сих пор не понимаю, как мне удалось уговорить Ингу уехать.

Но я это сделал.

Глава четвертая

*Мама, хотел бы я стать серебром.
Холодно будет, сынок.*

Ф.-Г. Лорка

Злосчастный хутор нашелся как по заказу. Еще с первой секунды, когда мы только выволокли лодки на берег и решали, ставить или не ставить палатку, — Талька сразу взял след и двинулся по нему напористо и целеустремленно, вроде хорошего сеттера. Я только диву давался и временами трогал карман рюкзачка, где у меня среди прочего барахла болтался походный топорик с заново выправленной заточкой. Вот спросите меня, спросите — зачем я взял с собой эту штуку, да еще полночи провозился над его упрямым лезвием? — спросите меня, или нет, лучше не спрашивайте, потому что я вам все равно не отвечу.

Взял и взял. И все. На всякий случай.

Я предполагал, что случаи — и всякие, и особо оригинальные — не заставят себя ждать. Не то чтобы это приводило меня в восторг, но...

Это «но» включало в себя многое. Косой крест над могилой сумасшедшей старухи, мою захлебывающуюся ярость, факел в руках бесплотного палача, глаза Бакса на вокзале... Я не знал, зачем я иду, но за чем-то я шел наверняка.

Иначе до конца дней своих я буду видеть паутину, бояться паука и радоваться тому, что я не муха или хотя бы не ближайшая на очереди муха. Радоваться, захлебываясь сырым и липким туманом.

И напиваться перед сном. Чтобы не слышать срывающийся крик моего сына:

— Папа, да сделай хоть что-нибудь!...

Я собирался сделать хоть что-нибудь.

...Ветер, как игривый котенок, трепал струйки дыма над кирпичными трубами, два молодых парня помогали беременной женщине тащить тазы с мокрым бельем, три тощих козы глодали всякую дрянь, временами косясь на расслабленного козла с мордой арабского шейха; и вообще хутор выглядел обжитым и благоустроенным.

– Смотри, – толкнул меня локтем Бакс, и я увидел лохматого детину, заново крившего крышу уже знакомого нам флигеля. В зубах у детины были зажаты гвозди, и новоявленный кровельщик уставился на нас так, словно полдня мечтал эти гвозди проглотить, а наш приход нарушил все его планы.

У входа во флигель на крылечке сидел унылый и весьма пожилой фермер с патриархальной бородищей и приводил в порядок какую-то мешанину невероятных ремней и пряжек. Где-то я уже видел эту бороду... да нет, не может быть...

Я глядел на эти ремни, вспоминал, как пишется слово «чресседельник», и понимал, что говорить не о чем.

Абсолютно не о чем.

– Пошли отсюда, Бакс, – сказал я.

Он кивнул.

Талька выпустил мою руку и решительным шагом направился к фермеру. Тот поднял голову и воззрился на приближающегося мальчишку. Глаза фермера бегали, моргали, хмурились – словно им, выцветшим заплывшим глазкам,

ужасно не хотелось глядеть на пацана в шортах и голубой футболке. Они даже слезились, эти странные глаза...

Глазам не хотелось, а хозяин их заставлял. Впервые я почувствовал, что значит на самом деле «глаза б мои тебя не видели».

– Ганцю! – неожиданно заорал фермер хриплым басом. – Ганцю, иди сюда! Живо!..

Беременная женщина перестала вешать белье и вперевалочку подошла к крикуну. Подошла, глянула на Тальку, на бородатого (мужа? отца?) и быстро опустила взгляд. Я только успел заметить искорку суеверного страха, вспыхнувшего в холодной золе ее серых глаз.

– Ну что? – на полном серьезе спросил фермер, обращаясь к Тальке. – Родит?

– Родит, – так же серьезно ответил мой сын. – К ноябрю родит.

– Кого?

– Девочку.

– Как назвать?

– Сами знаете как...

Фермер резко встал. Уронил свою упряжь. Сунул пальцы за опояску. Переступил с ноги на ногу. Снова сел. Закашлялся.

– А может... – начал было фермер севшим голосом, но Талька грубо перебил его.

– Сами знаете как, – повторил он. – И не вздумайте увиль-

нуть. Хуже будет...

Талька замолчал и вернулся к нам. Беременная женщина зашла в дом, пробыла там с минуту и вернулась с трехлитровой банкой желтоватого самогона (запах мгновенно распространился во все стороны) и увесистой сумкой.

Она передала все это добро фермеру, а тот прохромал к Баксу и сунул ему в руки банку и сумку.

– Уходите, – добавил фермер, и в голосе его промелькнуло неуместное и неприятное сочувствие. – За крест спасибо. А так... Уходите.

И мы ушли.

Глава пятая

*В токе враждующей крови
над котловиной лесною
нож альбасетской работы
засеребрился блесною.*

Ф.-Г. Лорка

– Ты знаешь, Энджи, – минут через двадцать заговорил Бакс, – по-моему, я сошел с ума.

– Поздравляю, – хмуро бросил я. – Крайне своевременно.

– Более того, я совершенно уверен в том, что ты тоже сошел с ума. Вот скажи мне, Энджи, – только честно! – тебе хочется пить ту сивуху, которую нам презентовал местный

дремучий варвар?

Я подумал.

– Нет, не хочется, – честно ответил я.

– И мне не хочется. Я боюсь. Я трезв, как стеклышко, но при этом мне все время кажется, что старая ведьма вот-вот высунется из-за ближайшего дерева, и нам придется хоронить ее заново. Я боюсь, что с утра поднимется туман, и мы заблудимся в нем и выйдем на ту сторону, откуда уже не будет дороги домой; и боюсь кого-то, кто ожидает на той стороне...

Я остановился.

– Талька, – сказал я. – Пойди погуляй. Вон к тем соснам. На пять минут.

Когда мой надувшийся сын оставил нас с Баксом наедине, я скинул рюкзак с плеч, опустился рядом с ним на землю и посмотрел на Бакса снизу вверх.

– Бакс, – спросил я, – почему ты назвал покойницу ведьмой?

– Ну... не знаю. К слову пришлось...

– Не морочь мне голову. Ты что, слышал когда-нибудь, как умирают настоящие ведьмы?

– А как они умирают? – ошалело поинтересовался Бакс. – В три этапа?

– Так, с тобой все ясно... Ты честный, трудолюбивый горожанин, ты можешь быстро приколотить вешалку и отремонтировать телевизор. А я вот, как лентяй и оболтус-гума-

нитарий, предпочитаю диван с книжкой. Ты не тратишь времени попусту, а я трачу. И я читал – не помню уже где, – что ни одна природная ведьма не может умереть под крышей. Под крышей, Бакс!.. Кроме того, она будет мучиться до тех пор, пока не передаст свой дар, или что там у нее внутри, кому-нибудь другому по наследству.

– Ну и что?

– А то, что мы все прикасались к старухе перед смертью. А Тальку она даже держала за руку! Весь хутор удрал, чтобы не присутствовать при ее кончине, а нас, как назло, черт дернул заблудиться!.. Три заезжих городских богатыря на распутье! Помнишь небось, как оно в сказках-то? Направо пойдешь, налево пойдешь, но идти волей-неволей приходится! – иначе мы будем кусать губы от бессилия, видя то, во что не можем вмешаться. Это ад, Бакс, или хуже ада...

– А может, и не стоит ни во что вмешиваться? Поедем домой – и гори оно все!

– ...Папа! Ну папа же!.. Дядя Бакс!..

Я обернулся.

Талька стоял метрах в двадцати от нас в окружении пяти парней. Местных. Одного я узнал сразу – это был тот самый лохматый верзила, который пялился на нас с недочиненной крыши флигеля. В зубах он на сей раз держал не гвозди, а дымящуюся папиросу, а в руках – знакомую мне сумку и банку с дареным самогоном. Зачем Талька поволок все это с собой – я не знаю, но у него явно отобрали добычу, и мой сын был

донельзя возмущен.

– Папа! Да идите же сюда!..

Мы подошли. Бакс мгновенно вписался в круг и оказался рядом с Талькой, а я остался снаружи и расстегнул клапан рюкзака. По возможности незаметно.

Парни заржали. Лохматый поставил банку на пень и сказал в пространство с той ласковой интонацией, которая обычно предшествует глобальным дракам:

– Сдурел батя... совсем свихнулся на старости. Такое добро раздавать кому ни попадя – а вы, ребята, идите, идите себе, вам пить вредно, а ходить полезно...

И тогда я вновь увидел туман-паутину. Я увяз в ней с руками и ногами, я не мог шевельнуться и только смотрел, как вязкие нити неизбежности опутывают нас – нас всех! – и за спинами парней в воздухе словно проявляется огромный фотоснимок...

...Два гиганта застыли в неудобной, противоестественной позе. Один из них – светловолосый, с пустым мутным взглядом – сидел на корточках, вцепившись в какой-то тюк, а второй навалился ему на спину, захлестнув мощную шею удавкой; а за ними постепенно возникала стена, дверь, коридор, и люди в незнакомых мне темных накидках...

Паутина вцепилась в нас, не давая двинуться, вдохнуть, и я мог лишь смотреть, ожидая того мига, когда нити оживут и марионетки беспомощно задергаются; смотреть и слушать Талькин звенящий голос.

– Это тебе пить вредно! Дылда волосатая!.. У тебя вся печенька сгнила! Ты умрешь через двенадцать лет, но умрешь не сразу... ты долго будешь кончаться, ты будешь волком выть, а от тебя все ножи спрячут... и веревки спрячут...

Я рванулся, но туманные нити держали властно и цепко. Краем глаза я видел, как белеет Бакс, переглядываются парни и лохматый сует руку в карман; а потом в его руке оказался складной рыбацкий нож, и лохматый принялся зубами открывать его, не спуская с Тальки ненавидящих глаз.

– Что, бабка, – шипел он сквозь стиснутые зубы, – стерва костлявая... Мало здесь покомандовала? С того света тянешься?! Врешь, не дотянешься, не достанешь, падла... врешь...

Нож раскрылся с сухим щелчком, паутина пришла в движение, светловолосый гигант из видения взметнул над головой свой тюк, попятились парни и люди в темных накидках; я услышал крик и не сразу понял, что кричит Бакс.

Я не знал, что он может кричать так громко. Так громко и так страшно. А потом он взорвался.

Из Бакса как-то сразу выросло очень много рук и ног, под самыми неожиданными углами; парни запутались во всем этом разнообразии и легли на землю, корчась и постанывая, нож лохматого вонзился в сосну и злобно задрожал, а сам лохматый упал на колени, визжа недорезанным боровом и хватаясь за низ живота...

Бакс неподвижно стоял среди извивающихся тел, а позади

него стоял яростный призрак, стоял и таял в смоляном воздухе леса... и я отчетливо услышал звук, похожий на стук резко захлопнувшейся книги.

Я схватил Тальку за руку – и мы побежали.

Мы бежали, и Бакс прижимал к груди злополучную банку, а из-под неплотно пригнутой крышки в лицо ему все плескала одуряюще пахнущая жидкость, заливая очки, лоб, слезами стекая по щекам...

Глава шестая

*Рыдали седые реки,
в туманные горы глядя,
и в замерший миг вплетали
обрывки имен и прядей...*

Ф.-Г. Лорка

...Костер гудел хоралом Баха. Есть у покойного Иоганна Себастьяныча такой хорал – уж не помню, за каким номером, – где главная тема ведется в басах, и они топчутся по твоей душе, как слепой японский массажист, выдавливая боль, тоску, усталость, пока не остается лишь тихое, прохладное, ночное настроение...

Бакс сидел у самого огня, изредка ковыряясь палкой в прогоревших ветках, и сполохи пламени вычерчивали на его лице непривычный и незнакомый рисунок. Жесткое было

лицо, мужское, и по-хорошему мужское, и по-плохому, и по-всякому... Прямые волосы падали на лоб, и он отбрасывал их резким коротким движением, будто отгоняя надоедливую муху; отбрасывал, хмурился и плотнее сжимал губы.

Я смотрел на него, а сам пытался вспомнить, как выглядит трамвай. И не мог. Не было сейчас городской суеты, будильников и телефонных звонков: прошлого не было и будущего не было, а было настоящее, наше настоящее, – рядом с которым все остальное выглядело подделкой, фальшивым камнем в тускнеющей оправе. Настоящее сидело с нами у огня, оно мелькало в черноте провалов между сосен, брызгало светом в глаза Баксу, двигало пальцами моего сына, перебиравшими какие-то собранные корешки, ветки, листья... гриб еще маленький... мухомор, что ли?

– Рожден не как все, – сказал Бакс, и тишина рядом с ним вздрогнула, – живет не как все... творит суд не по обычаю, веселится по-чужому, воет в одиночку и умирает по-своему...

– Что это? – спросил я.

– Не знаю. Тоже читал где-то. Или слышал... Или сейчас придумал.

Талька взял мухомор и два корня, повертел их в руках и, не размахиваясь, швырнул в костер. Запахло горелой плотью. Стекланный от жара воздух над огнем колыхнулся, дробясь зыбкими отражениями, и замер. Потом снова задрожал, потому что в костер упала ветка... еще одна... гриб...

– Зачем, Таля?

– Надо, – ответил мой сын.

Он встал, медленно отошел к границе, за которой начиналась темнота, разбежался и прыгнул через костер. Прыгнул молча, сосредоточенно, будто выполнял важную и необходимую работу. Приземлившись на той стороне, Талька с минуты постоял, бормоча что-то себе под нос, швырнул в костер пригоршню сухой прошлогодней хвои и снова взял разбег.

Он прыгал и прыгал с упрямством фанатика, а мы с Баксом следили за этим монотонным действием, дыша пряным дымом, щуря покрасневшие глаза, боясь оторваться от угловатой фигурки, мечущейся в дыму, словно творившей некий зловещий и прекрасный обряд; мы завороченно поворачивали отяжелевшие головы, не в силах вмешаться, нарушить, прекратить – и пропустили то мгновение, одно из многих, когда он исчез.

– Талька!..

Тьма за соснами рассмеялась и захлопала в ладоши.

– Талька-а-а-а!..

И звон лопнувшей струны.

Я метнулся вперед и всем телом ударил в горячее дымное стекло, в густой и подрагивающий студень, проглотивший долгожданную жертву; дым разбился вдребезги, изрезав меня осколками, и последнее, что видел я, проваливаясь в чадающее, липкое безумие, – Бакс, суровый, яростный Бакс, разбегающийся от границы тьмы и света, границы прошлого

с настоящим; границы, грани, обрыва... и небо между ветками сосен, до ужаса похожее на разобранную крышу...

Интермедия

«РХ-131АС4. 28.VII.93 г. егерем Пфальцского лесомас-сива при осмотре участка ВС-3, пострадавшего в результа-те пожара (согласно сводке от 25.VII.93 г. за № 35/24) были обнаружены тела трех человек в сильно обгоревшем состоя-нии. Предположительно двое мужчин тридцати-сорока лет и подросток. Личности установить не удалось, опрос местного населения результатов не дал. В пяти километрах южнее ме-ста происшествия, в прибрежной полосе реки Маэрны, най-дена стоянка в заброшенном...»

Сага о совсем другом месте

*И услышится голос Бога,
впрошающего Ад:
«Полон ли ты?»
И Ад ответит Богу:
«Еще, дай мне еще!...»*

Коран

Над хутором занималась заря. Тускло-багровое солнце медленно выползло из-за дальних холмов, и от растущей на отшибе одинокой сосны к хутору протянулась длинная синеватая тень. Тень безуспешно старалась подтянуть хутор поближе к опушке, но это ей никак не удавалось – как, впрочем, не удавалось и многие разы до того; но тень не оставляла своих попыток. Может быть, на этот раз...

...Старик проснулся рано. Он всегда просыпался рано, долго ворочался на жесткой лежанке, временами замирая и настороженно вслушиваясь в предутреннюю тишину. Наверное, ему было уже далеко за семьдесят, но старик давно потерял счет своим годам – да и то сказать, к чему их считать, если моложе все равно не станешь? Глубокие резкие морщины избородили его обветренное лицо, лицо человека, привыкшего ко всему – и к ветру, и к дождю, и к злобе людской, – но прятавшиеся под кустистыми бровями хитрые глаза нет-

нет да и вспыхивали огоньком былого интереса ко всему, что вокруг. Стар был Черчек, стар, но крепок, не угас в нем еще тот огонь, который... Вот тот самый огонь.

Что-то полыхнуло в лесу – резко и ослепительно, на миг затмив еще не до конца выползшее из-за горизонта солнце, – и старый Черчек невольно зажмурился, вскидывая к глазам корявую ладонь.

– Ну вот, еще кто-то, – пробормотал старик, запустив пальтерню в нечесаную бороду, на удивление только начавшую сесть всерьез.

– Небось опять бедолага какой... Лица Лишенный. Хотя нет, уж больно сильно полыхнуло... Никак Помнящий!

С этого момента действия Черчека стали быстрыми и точными. Он не стал будить остальных, а прихватив тяжелый дубовый посох, окованный с одного конца железом, довольно резво для своих немереных лет зашагал к лесу. По дороге старик сам подивился своей прыти. К чему все это? Ведь поначалу (и довольно долго) пришельцев все одно нельзя ни увидеть, ни услышать. Одно слово – призраки.

И все-таки... уж больно сильно полыхнуло!

Он уже шагал между столетними соснами, привычно ступая по мягкому ковру опавшей хвои, которая почему-то не хрустела под его босыми ногами, когда до него наконец дошло: раньше он никогда не видел таких ярких вспышек. Никогда! Но ведь тогда... тогда это означало, что у вновь прибывшего сохранился Дар! Неужто случилось то, во что они

все тут давно перестали верить, но все же втайне надеялись – надеялись, несмотря ни на что...

Еще не веря до конца самому себе, старик ускорил шаги. Точного места вспышки он не запомнил, но в направлении не сомневался. Вот только сможет ли он увидеть прибывшего? Дар – это, конечно, хорошо, да только призрак – он и есть призрак, хоть с Даром, хоть без... Не видно его. Не слышно его. И нюхом не учуять, хоть нос наизнанку выверни.

А потом Черчек остановился. Потому что узрел мужика. Нормального крепкого мужика, и весьма справно, с бородой – разве что рубаша на мужике была чрезмерно тонкая да штаны слишком вытертые. На ногах – не то башмаки, не то черт его разберет... Стекляшки опять же на носу – видел он раньше у одного такие же стекляшки...

Пока Черчек рассматривал мужика, мужик с не меньшим интересом рассматривал Черчека. Потом он зачем-то похлопал себя по рубашке, по штанам и весело спросил:

– Слышь, дед, у тебя закурить нету?

Глава седьмая

*Напрасно мы, раз он так величав,
Ему являем видимость насилья;
Ведь он для нас неуязвим, как воздух,
И этот жалкий натиск – лишь обида.*

– ...А ты уверен?

– Да вроде... Выползень. Точно. Помнишь, наш Страничник еще рассказывал? И место самое подходящее...

– Так-то оно так... Вот только как бы маху не дать! Кому охота зазря под Переплет шею подставлять? Погляди, тень у него есть?

– Да болотник его разберет! Темно тут, не разглядишь... Ты лучше его ножичком попробуй. У тебя ножевые хорошие, длинное...

– Ага – ножичком! А ты на себя берешь? Ежели выползень – вся Благодать тебе достанется. Слышь, Пупырь – берешь или как?

– Нашел глупого, радости тебе неслучайно-немерено... Благодать! А ну как человек это – что тогда?! Может, горожанин заблудился...

Только тут до меня дошло, что я уже довольно долго лежу на чем-то весьма сыром и холодном и вслушиваюсь в этот странный разговор. Следом я сообразил, что говорят явно обо мне. Так это, значит, что? Это, значит, они меня ножичком пробовать собираются?! Остаться и дальше слушателем мне резко расхотелось. Вот сейчас как пыранут ножичком!..

Я открыл глаза и попробовал резко вскочить на ноги. И вскочил – чему сам изрядно поразился.

Два не в меру грязных, заросших дядьки в неопределенного цвета холщовых рубашках и таких же грубых домотканых штанах испуганно отпрыгнули назад, и один из них поспешил выставить перед собой суковатую палку, а второй схватился за висевший на поясе кривой нож.

– Вы что, мужики, с ума посходили – в живого человека ножом тыкать? У вас тут что – все такие? В смысле с придурию?

Как ни странно, я их уже почти не боялся – они сами выглядели на редкость перетрусившими. Не знаю уж, на каком языке я с ними заговорил, но эти двое меня прекрасно поняли. Как, впрочем, и я их.

– Так ты выползень или нет? – осведомился один из моих оппонентов. – Ишь, распрыгался...

– Вы мне сперва объясните, что такое «выползень», – тогда я вам отвечу.

– Выползень! – радостно констатировал дядька с ножом. – Заморочить хочет! Не будь я Пупырем – морочит! А ну, Юхрим, объясни ему...

– Запросто! – согласился обладатель дубины и немедленно, без всякого предупреждения, огрел меня оным оружием по голове.

Самым удивительным было не то, что я выдержал этот удар и даже не потерял сознания. Было больно, но не слишком. Куда удивительней оказалось другое – дубина, проломив мне голову, рассекла мое тело чуть ли не надвое и за-

стряла где-то в районе живота. При этом тело мое практически не пострадало, мгновенно сомкнувшись, словно вода, которую пытались рассечь топором.

Дубина крепко увязла в моем животе, и теперь Юхрим пытался ее оттуда вытащить. Палка двигалась с трудом, неприятно царапая сучками мои внутренности (или что там теперь было у меня в животе?). Юхрим сопел, кряхтел, но дело шло туго.

Я же был до того ошарашен случившимся, что только через несколько секунд до меня дошло все скотство поведения аборигена. Вернее, обоих сразу – потому что, пока потный Юхрим пытался извлечь из меня свое первобытное оружие, Пупыр, обойдя меня сзади, старательно тыкал мне в спину кривым ножом. И это тоже было не самое приятное ощущение в моей жизни.

Тут ко мне наконец вернулся дар речи.

– Что ж вы, гады, делаете?! – возмутился я и, постепенно осознавая свою – пусть и болезненную – неуязвимость, добавил: – Да я ж вам сейчас головы поотрываю!

– Молчи, выползень! – наставительно произнес тот из агрессоров, который тыкал в меня ножом, на некоторое время оторвавшись от своего важного занятия. – Мы тут хозяйева, мы и разговоры разговаривать станем. А для такого отродья, как ты, в Переплете места нету. Самим мало! Так что терпи да помалкивай, раз уж появился... Понял?

– Ага! – недобро ухмыльнулся я – и вдруг вспомнил все.

Лес, костер, исчезающего в дыму Тальку, Бакса...

Талька!

С нечленораздельным криком, переходящим в рев (я и сам не подозревал, что способен издавать подобные звуки!), я развернулся, сбив с ног цепляющегося за свою дубину Юхрима, и с разворота угодил прямо по зубам владельцу кривого ножа. Вообще-то я никогда толком не умел драться, а тут еще мой кулак неожиданно размазался по этой ненавистной роже, частично просочившись внутрь. Благодаря этому зубы моего противника уцелели, но удар все же оказался достаточно сильным, чтобы Пупырь не удержался на ногах и с размаху сел на землю, выронив бесполезное оружие.

– Ты чего? – изумленно заскулил он, потирая одновременно ушибленную скулу и отбитый при падении зад. – Это ж мы тебя должны бить, а не ты нас! Так не положено...

– Значит, не положено? – спросил я и одним рывком, до смешного легко вырвал злополучную дубину из своего тела. Если кулаком их не проймешь, то вот это должно подействовать!

– А вот мы сейчас посмотрим, что положено, а что поставлено!..

И я занес над головой увесистую палку.

Однако на этот раз мой противник проявил неожиданную резвость, и дубина с размаху грохнулась на опустевшее место. Оглянувшись, я обнаружил, что оба дядьки улепетыва-

ют во все лопатки, причем в разные стороны.

Гнаться за ними у меня не было никакого желания, однако злость и боевой азарт еще не угасли, поэтому я прокричал вслед удирающим врагам витиеватое ругательство, в конце которого вдруг оказалось совершенно незнакомое мне слово. Я готов был поклясться, что слово это ругательством не является – хотя, с другой стороны, клясться, пожалуй, не стоило, так как значения самозванного слова я не знал. И вообще впервые его слышал.

Из своих собственных уст.

Однако, каково бы ни было значение таинственного слова, эффект от него был мгновенным и разрушительным. Вокруг убежавших начали с треском валиться деревья, лес наполнился диким воем и хохотом – словно вся скопившаяся здесь за долгие годы, а то и века нечисть только и ждала подходящего случая, чтобы разом пробудиться от спячки.

Кажется, оба беглеца остались живы, но уж страху натерпелись – это точно. А я... Похоже, изменилось не только мое тело. Незнакомое слово... внезапный смерч... Так и просилось на язык: «вызванный им смерч». А ведь действительно, не слишком ли красиво для простого совпадения?..

А вдруг не слишком?

...На вид мое тело было вполне нормальным. Оно даже оставляло следы на земле. Но когда я случайно цеплялся за ветку, та обычно не отклонялась, а норовила пройти сквозь

меня, и это было довольно неприятно. Интересно, а сам я могу проходить СКВОЗЬ что-нибудь? Например, сквозь стену? При случае надо будет проверить...

И что же из этого следует? Значит, я – призрак, привидение? Это многое бы объясняло... Нет, так даже у привидения крыша может поехать! Надо идти, надо искать Бакса и Тальку, а уж потом начинать ломать голову над накопившимися вопросами.

Я довольно долго брел по тропинке, с трудом найденной и все норовящей исчезнуть. Поначалу лес вроде бы поредел, и я уж было обрадовался, что вот сейчас он кончится, и я выйду к хутору – почему-то я был уверен, что выйду именно к хутору – но вскоре деревья вновь придвинулись вплотную, подлесок стал гуще, и мне пришлось, чертыхаясь, просачиваться через него. В прямом смысле. Это было не больно, но весьма неприятно – когда что-то инородное двигается внутри тебя (или ты двигаешься, пропуская через себя инородное тело, что, в сущности, одно и то же).

А потом впереди снова посветлело – и тут мне показалось, что здесь я уже был, что я брожу по кругу, и... Точно! Я помнил эту замшелую сломанную осину слева от тропинки – от нее словно исходило нечто отталкивающее, недоброе – и сейчас это ощущение накатило на меня снова.

Заблудился!

И тут во мне проснулся кто-то другой, кто не мог заблудиться нигде и никогда; даже сейчас ОН точно знал, куда на-

до идти, — и я послушался этого голоса... нет, не голоса, но послушался. Тянуло меня туда, вот что — прочь от чертовой осины, туда, где в сплошной стене вековых стволов виднелся расширяющийся просвет, и я уже не обращал внимания на проходящие сквозь меня ветки, с удивлением отмечая, что самые тонкие прутьики все же отклоняются под моим напором; я почти выбежал на открытое место — и сразу увидел прямо перед собой хутор.

Очень похожий хутор. Даже слишком. У крайней хаты на лавочке сидели трое и увлеченно беседовали, размахивая руками. Один из них был на удивление знакомый бородатый дед, а двое других...

Это были Талька и Бакс.

Глава восьмая

*Я заявляю,
Что оба света для меня презренны,
И будь что будет...*

В. Шекспир

...Черчек — как я успел понять, не наш фермер, а его дед или прадед — продолжал что-то говорить, Бакс время от времени понимающе кивал, Талька то и дело встречал с разными вопросами, а я сидел и смотрел на своего сына. Сын. Мой. Рядом. Живой...

Живой?

Из того, что я успел уловить из пространного рассказа старика, следовало, что все мы – покойники. И наше полупризрачное состояние это подтверждало. Значит, вот он какой – мир загробный... Ни ангелов с трубами, ни чертей с вилами. Обычный затерянный в лесу хутор, обычный бородатый дед, родственник другого деда с другого хутора, на котором мы были ТАМ. Рай или ад? Да нет, слишком примитивно – рай, ад... Кто-то правильно заметил, что «в жизни все не так, как на самом деле». Глянешь на этот хутор, на вековые сосны вокруг, на светлеющее прозрачное небо, вслушаешься в неторопливый говор старого Черчека – рай, да и только! А как вспомнишь первых встречных мужиков, радостную злобу в их глазах, поднимающуюся для удара дубину – чем не черти? Разве что малость неумелые... Да и дед, оказывается, вещает отнюдь не о райских кущах.

– ...Убить не убьют, а вот избить, искалечить, поглумиться – это они запросто. Им, говорят, за это – Благодать и отдохновение души. Если только она у них осталась, душа-то...

– Попадись мне под руку обормот из местных задушевных, – цедит сквозь зубы постепенно закипающий Бакс, – я ему такую Благодать устрою! До полного отдохновения...

Однако развить эту мысль до логического конца в виде всеобщего глобального побоища Баксу не удастся.

– Помолчи, парень, – резко обрывает его Черчек, и Бакс,

к немалому моему удивлению, послушно умолкает.

– Я бы и сам с удовольствием... – после некоторой паузы произносит старик, словно извиняясь. – Да нельзя. Мало нас здесь. Перебьют всех. Они б и раньше перебили – только тогда измываться не над кем станет. Друг дружку-то они трогать боятся – Закон Переплета у них. Так на излете ша-рахнет, что на всю жизнь закаешься... если жив останется, местный-то... А мы, выходит, вроде как вне закона.

Я засомневался, задумался и окончательно потерял нить разъяснений Черчека. Ну и перестал их слушать. Слишком многое свалилось на меня в последнее время, и я, похоже, на некоторое время утратил способность переваривать новую информацию. Позже расспрошу Бакса – и сойдет. Бакс слушал старика внимательно и вполне годился для роли пересказчика.

А для меня сейчас куда важнее было то, что мой сын снова сидел рядом со мной.

Я придвинулся к нему поближе и положил руку Тальке на плечо. Он обернулся, серьезно посмотрел на меня – и улыбнулся.

Сын. Мой сын. Рядом. Живой.

Живой?

Неужели мы все – мертвые?!

Глава девятая

*Ну что, Гораций? Полно трепетать.
Одна ли тут игра воображенья?
Как ваше мнение?*

В. Шекспир

– Ну а теперь – рассказывай! – набросился я на Бакса, когда мы остались одни на сеновале, где нас расположил на ночлег хозяин хутора.

Собственно, для ночлега полдень подходил мало, а вот для интимной беседы – вполне.

– Чего тебе рассказывать? Слушать надо было! А то свернул уши трубочкой, призрак хренов!

– Баксик, не выделяйся... Не время сейчас. Надо что-то делать...

– Это я и без тебя знаю. И даже знаю, что именно.

– Ну?

– Вилки гну... взглядом. Телекинез называется. Пожрать нам надо. Тут Черчек кой-чего спроворил...

И Бакс извлек из самого темного угла глиняную миску с домашними оладьями и другую, поменьше – со сметаной.

– А разве привидения едят? – с сомнением осведомился я.

– Едят-едят! – заверил меня Талька, хватая одну из оладий и макая ее в сметану.

– Сомневаешься – можешь не есть, – философски заметил Бакс. – Привидениям тоже кушать хочется. Во всяком случае, таким, как я.

Я с некоторой тревогой смотрел, как мой сын запихивает себе в рот первую порцию еды. Запихал. Прожевал. И проглотил. Измазавшись сметаной по уши. И ничего страшного с ним не случилось.

«Хорош папаша, нечего сказать! – внезапно прозвучал в моем сознании голос, очень похожий на голос Инги. – Сначала сам должен был попробовать, а уже потом ему давать... На собственном ребенке эксперименты ставит!»

Тут я неожиданно почувствовал зверский голод и поспешил присоединиться к увлеченно чавкающим Тальке и Баксу.

Насытились мы на удивление быстро. Видимо, призраки не страдают обжорством.

– Ну вот, теперь и поговорить можно, – заявил Бакс, утирая жирные губы тыльной стороной ладони. – Значит, так. Выдаю информацию в сжатом виде. Мне это, кстати, тоже полезно – а то что-то плохо с первого раза в голове укладывается. В общем, Энджи, начну с самого приятного... Мы таки покойники.

– Сгорели мы там, в лесу, – тихо сказал Талька.

Я промолчал и только судорожно сглотнул.

– Но ведь мы живые! – выдавил я наконец. – Думаем, разговариваем... едим... олады вот почти все сожрали...

– Это мы ТУТ живые. Почти, – ответил вместо Бакса Талька. – А ТАМ – мертвые. Мама, наверное, плачет...

Я представил себе состояние Инги. Господи! Три обгорелых тела...

– Ладно, Энджи, не раскисай, – Бакс тронул меня за локоть. – Ты хотел слушать? Так слушай. Дед утверждал, что есть некий «круговорот душ в природе и ее окрестностях». Вот мы в этот самый круговорот и влетели. Сгорели мы там, у нас, – Талька правильно говорит.

Он немного помолчал.

– Думаю, не стоит объяснять – не наш это мир.

– А какой? – вяло поинтересовался я.

– А черт его знает! Параллельный, перпендикулярный или вообще этот... ортогональный! Какая тебе разница! Не у нас мы – и все.

– И теперь мы все время так будем... призраками?

– Э, нет, тут хитрая закавыка получается. Мы уже не совсем призраки. Мы, скорее, привидения. Призраки – тех не видно, не слышно, и жрать им не надо, как ты правильно заметил. Но эту стадию мы каким-то образом проскочили.

– Потому что сгорели, – снова подал голос Талька.

– Ну и?.. – одновременно обернулись к нему мы с Баксом.

– Ну... там мы сгорели, от нас мало что осталось... а здесь – вот это получилось, – Талька постучал кулаком по стене, и кулак наполовину ушел в стену. – Там исчезло – а здесь приросло. Вот если бы мы по-другому умерли... ну, отрави-

лись бы, например... грибами... здесь бы нас и видно не было. Из-за того, что тело – целое. Поначалу – целое... ТАМ. Труп, в смысле...

– Закон сохранения? – догадался я.

– Да, папа! – просиял Талька. – Я все не знал, как это лучше сказать, а ты сразу догадался.

– Так, значит, у нас тут со временем будут нормальные тела?

Талька и Бакс кивнули.

А потом лицо Бакса изменилось, он повернулся к Тальке и настороженно спросил:

– Послушай, а ты откуда все это знаешь? Про тела, про закон сохранения... Дед-то ничего такого не рассказывал!

– Откуда? – растерялся Талька. – Не знаю... Оно как-то само получилось. Вроде всегда это знал...

Некоторое время мы ошарашенно молчали. Потом Бакс досадливо махнул рукой:

– А, ладно, одним чудом больше... После разберемся. Ты лучше слушай, Энджи. Значит, после смерти душа попадает в другой мир и там постепенно обрastaет плотью. Отсюда и стадии: призрак, которого не видно, – так сказать, голая душа; привидение вроде нас, и нормальный человек... или не человек.

– Стоп, Бакс! – перебил его я. – Тут у тебя неувязочка выходит. Если бы все так и было, этих воскресших покойников во всех стадиях было бы везде хоть пруд пруди! Или они

только здесь объявляются?

– Нет, не только здесь. Но далеко не все в этот круговорот попадают. Ведьмы, колдуны, экстрасенсы крутые – ну, и мы...

– А мы-то с какой стати?! Вроде не экстрасенсы и уж тем паче не колдуны.

– Черчек говорит – Дар у нас. У всех троих, и особенно – у Тальки. Вот только непонятно, где мы эту заразу подцепили...

– Бабка! – неожиданно осенило меня. – Та, что на хуторе померла! Я ж тебе говорил, ведьма она была, от нее-то к нам Дар и перешел!

– Точно, бабка! – согласился Бакс. – Молодец, Энджи! Для привидения у тебя голова неплохо работает.

– Бабка, – как-то бесцветно произнес Талька и, видя наши недоуменные лица, указал мне за спину.

Глава десятая

Прощай, прощай, и помни обо мне.
В. Шекспир

То, что это был призрак – первая стадия, – мы поняли сразу. Почти совсем прозрачное существо, сквозь которое было отлично видно стену и ворох смятого сена у этой стены.

Но одновременно можно было достаточно хорошо различить лицо призрака, да и всю его фигуру в светлом простор-

ном платье. Только это была не бабка. Это была девушка. Довольно красивая и с очень грустным лицом. А еще у нее не хватало одной руки. Правой. От кисти до локтя. Потом я внимательно взгляделся в ее черты, и мне почудилось что-то знакомое...

Наверное, такой могла быть та умиравшая на хуторе бабка, когда ей было лет восемнадцать.

Бакс глядел на призрак стоя, при этом неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Здравствуйте, – наконец выдавил он.

Девушка ненадолго задержала на нем взгляд, мельком взглянула на меня и уставилась на Тальку. Талька тоже смотрел на нее и молчал.

А потом губы девушки шевельнулись, и в сарае тихо прошепестело первое слово призрака:

– Здравствуйте.

Голос девушки оказался неожиданно скрипучим и не слишком приятным.

Некоторое время все молчали.

– Это вы там... на хуторе? – невпопад осведомился я лишь для того, чтобы прервать эту затянувшуюся паузу.

– Я, – кивнула девушка.

И, чуть помедлив, добавила:

– Вы у меня Дар забрали. Его полторы сотни лет копили, растили... по наследству передавали. А теперь – на три части. Да вы все равно не поймете. Не наши вы.

– Это почему же не поймем? – обиделся несколько пришедший в себя Бакс. – Мы – ребята понятливые, даром что покойные. И насчет Дара вашего в том числе. Так что давайте разбираться вместе. Только сначала хоть познакомимся. Бакс. Анджей. Талька.

– Вилисса, – ответила девушка-призрак и впервые улыбнулась.

Глава одиннадцатая

*Его борода – как снег,
Его голова – как лен;
Он уснул в гробу,
Полно клясть судьбу;
В раю да воскреснет он!..*

В. Шекспир

...С незапамятных времен, когда забытые гении ломали головы, сочиняя первые строки «Махабхараты», «Сказания о Гильгамеше» или «Нюргун Боотура», – с тех самых времен, а может быть, еще ранее, начали рождаться не совсем обычные дети. Нет, внешне-то они были совершенно нормальными – ели, спали, пачкали шкуры и пеленки, и рогов у них на лбу отнюдь не наблюдалось. Разве что нет-нет да сквозило в их взгляде нечто такое, отчего не только их товарищам по играм, но и многим взрослым становилось не по себе.

И язык такие детки совершенно не умели держать на привязи. Молчит дитя, молчит – и вдруг как примется вещать не своим голосом о том, что грядет, или что происходит в соседней деревне, а то и вообще неведомо где... и лишь через месяц докатывалась весть о нашествии варваров или смене династий.

Шалости шалостями, а ведь сбывается...

И не только это водилось за необычными чадами – обидит кто малолетка, а после животом с полгода мается или вовсе Богу душу отдает. Хоть и Богу, а жалко – душа ведь своя, разъединственная!

И то еще бывало, пойдет такой ребеночек в лес за ягодами – ягод не принесет, зато расскажет, как выходили к нему из чащи три здоровенных волка и как они играли все вместе в разные детские игры. Родители, понятное дело, не верят, смеются. Чадушко – в слезы. Идемте, мол, покажу – и шел, и показывал, и волосы у взрослых дыбом вставали...

Росли странные дети, вырастали, влюблялись, становились в свою очередь родителями – и рождались у них наследники, тоже зачастую довольно странные. Да только скоро сказка сказывается, а все остальное помедленнее происходит. Мало кто из таких детишек успевал дожить до совершеннолетия, а уж тем паче – до старости. Обычно считалось, что тело ребенка облюбовали злые духи для своих душных шалостей, и духов сих надлежит изгнать, а лучше – истребить.

И истребляли. Зачастую вместе с ребенком.

А выжившие – наиболее скрытные или наиболее удачливые – искали в себе новое, неведомое и иногда находили; искали себе подобных – и тоже иногда находили; делились опытом, летали на шабаш, или как оно там у других народов прозывается, книги тайные писали да читали, а то и веселились изрядно – когда кругом свои, чего бояться-то?

Добро творили и зло творили. Творили вроде поровну, как и все люди, да только злое – оно заметнее...

Ну а со временем обнаружилась у ведьм с колдунами (как звало их простонародье) еще одна интересная особенность. Для обычного человека после смерти три пути есть: вниз, вверх и по кругу – когда душа его в чужое тело вселяется. Обычно – в ребенка новорожденного или еще не родившегося. Правда, памяти у простой души немного, и начинает ребенок жить как бы заново. А у Ведающих – не так. Переносится душа его после смерти в мир иной – и не в верхний там или нижний, а в действительно иной. Такой же, как наш... вернее, такие же, как наши, – да не совсем. И начинает жить там по-новому, поскольку Дар умершему память при переходе сохраняет. Там и тело себе новое выращивает – по мере того, как разлагается его прежнее тело в прежнем мире. И тело это Ведающий может вырастить по собственному усмотрению – не обязательно копию предыдущего. Некоторые даже специально жизнь зверями проживают, плодя сказки о говорящих зверях, не глупее человека. А с

чего ему глупее быть – с того, что звериный облик на новую жизнь приглянулся?

Так вот, проживают они еще одну жизнь в ином мире, умирают, и душа обратно к нам возвращается. И опять все сначала – тело новое выращивать... А пока не вырастил – привидение привидением, люди от него шарахаются да крепятся; потому и прячутся призраки от глаз людских по руинам да чащобам, что при их-то способностях не так уж и трудно...

Ну бывает изредка, что после первой смерти времени не так уж много протекло – а душа снова к нам вернулась. И надо же такому случиться – вырастил колдун себе тело точь-в-точь как старое.

Отсюда и разговоры об «оживших покойниках», только к настоящим живым мертвецам – зомби и вампирам – отношения это не имеет.

А из других миров души людей с Даром точно так же к нам попадают; а после – обратно к себе.

И все бы хорошо – да только нигде и никогда не любили обычные люди носителей Дара. Иногда терпели, когда пользу от них видели; а чаще – жгли, топили, на кол сажали, и прочее, в меру богатой людской фантазии. А ведь если колдуна убивать слишком часто, его Дар понемногу и исчезнуть может. И быть тогда Ведающему – Лишенным Лица, но об этом после...

И вот на Великом Шабаше договорились меж собой носи-

тели Дара о том, как не только выжить, но и приумножить ряды свои. Решено было перед смертью Дар свой передавать преемнику, от рождения его не имевшему, но достойному приобщения. Ну а там, в новой-то жизни, мог колдун Дар свой заново обрести, вырастить помаленьку, поскольку помнил многое и знал, где искать, – и перед смертью вновь отдать преемнику. Дар, добровольно отданный, – он ведь как свой... и память сохранит, и прочее...

То же самое и колдуны иных миров делать стали – и через пару сотен лет выросли заметно ряды владеющих Даром, и даже у кое-кого зародилась мечта со временем весь род людской Даром наделить. Может, хоть тогда перестанут люди Даровитых изводить – ведь изводить самих себя по меньшей мере глупо...

Лет пятьсот все шло относительно хорошо – и вдруг из одного мира, куда после смерти многие носители Дара уходили, перестали возвращаться. Умирили земные ведьмы, Дар передавали, и... Как в воду канули. Ничего. Будто и не было их.

И колдуны того мира у нас не являлись более.

Забеспокоились Даровитые – теперь не то что число свое увеличить, а и сохранить прежнее нелегко стало. Уходили в никуда маги, ведьмы, колдуны, уходили старые мастера – а молодые, хоть и с Даром, но пока еще в полную силу войдут...

Пришлось собирать Совет Семи. Долго спорили Семеро

и решили, что настала нужда в Белой Старухе Йери-ер, что раз в тысячелетие родиться может. Отныне самый сильный Дар передавался по наследству ребенку по женской линии из древнего рода Черчеков-хуторян; и лишь тому ребенку, кто врожденным Даром обладал. Хотя и таяли от того ведьмовские ряды еще быстрее, но росла и крепла из поколения в поколение сила колдовская, и близился год появления на свет Йери-ер, Белой Старухи...

Вилисса была в роду предпоследней. У ее дочери Иоганны, под надежной защитой Серого Йориса и старого ведуна Черчека, отца Иоганны, и должна была родиться Белая Старуха. Да не утерпела старая ведьма. Знак ей явился. Видение.

Стала к дряхлой Вилиссе в снах являться девушка – платье воздушное, волосы льняные, глаза печальные, но твердые в своей решимости. Не должны вроде бы к ведьме потомственной ангелы приходить, да еще с таким черным бездонным взором – но глаза эти звали Вилиссу, и слышала она тихий и ясный голос:

– Иди за Переплет! Иди вся, какая есть! Нельзя ждать более, нельзя... иди, Вилисса... иди!..

И сквозило в лице ночной девушки что-то знакомое – словно сама Вилисса много поколений назад...

А вот что такое Переплет – старуха не знала.

И она решилась.

Никого не было на хуторе в час ее смерти. Чтобы никто, даже случайно, не мог перенять ее Дар, от многих колен на-

копленный; чтобы она ушла за неведомый Переплет с ним.

Но умирать, не передав Дара, долго и мучительно. И тут как снег на голову объявились трое глупых чужаков, а намерения у них были самые добрые...

В общем, те самые намерения, которыми вымощена дорога в Ад.

Глава двенадцатая

*...мы не настолько тупы,
Чтобы, когда опасность нас хватает
За бороду, считать, что это вздор.
Ждать новостей недолго...*

В. Шекспир

– Вот, значит, как, – протянул Бакс, глядя куда-то в сторону, чтобы не видеть печального лица Вилиссы, на котором отчетливо проступили знакомые старческие морщины.

– А почему у вас одна рука? – спросил вдруг Талька. – Ведь вы же могли...

– Не могла, – эхом прошелестел голос девушки-старухи. – Через эту руку Дар мой ушел. К вам. Не по воле моей. Только-только и осталось, чтоб себя не забыть. А руку... Отрезало руку. Теперь лишь вместе с Даром ее вернуть можно.

– Да вернем мы вам Дар этот, – примирительно заговорил Бакс. – Вы только скажите – как... А нам он и даром не ну-

жен! Тьфу, черт, дурацкий каламбур получился...

– Вернуть его не так-то просто, – грустно улыбнулась Вилисса. – Для этого мне сначала надо обрести тело. Ну а вам... Вам придется умереть.

Некоторое время мы молча переваривали услышанное. Вот так: стоит раз совершить не тот поступок – и расплачиваться приходится всей оставшейся жизнью. А то и следующей...

Как следует обдумать создавшуюся ситуацию нам не дали: снаружи послышался невнятный шум, крики – и они не сулили ничего хорошего. Я глянул на Бакса, но тот уже ломился к двери с явным намерением дать кому-нибудь по морде. По правде говоря, у меня от тоски и слов Вилиссы возникло аналогичное желание, но по дороге я успел провести один эксперимент – с размаху врезался в стену сарая и... оказался снаружи.

Обстановка для бития морд была самая подходящая, потому что сие битие уже началось без нас. Старый Черчек вместе с тремя крепкими молодыми парнями угрюмо и безнадежно отбивались от полутора дюжин орущих крестьян, вооруженных дубинами и кольями. За спинами нападавших нетерпеливо переминались еще несколько человек, а поодаль неподвижно застыла сутулая фигура в белом балахоне, весьма смахивающая на волхва или монаха. Капюшон был низко надвинут, что усугубляло сходство.

Все это я успел сообразить за какие-то две-три секун-

ды, поскольку потом времени глазеть по сторонам не осталось – Черчек упал, парни попытались заслонить старика, но ободренные успехом нападающие усилили натиск, оттеснили парней... и я уже предвидел, что сейчас и деду, и его союзникам придется плохо, – но тут в самую гущу драки вломилось разъяренное привидение по имени Бакс.

Бакс после нашей смерти, а также разговоров с Черчком и Вилиссой пребывал в самом мрачном расположении духа, а тут как раз подвернулась возможность под благовидным предлогом защиты хозяев хутора намылить кому-нибудь шею.

Уж что-что, а мылить шеи Бакс умел. Даже будучи привидением.

Уследить, что именно творил разбушевавшийся Баксик, было довольно сложно – я лишь успел пару раз заметить, как его кулак или нога прошибали противника навылет, однако ни крови, ни разорванных внутренностей видно не было – точно так же я сам сейчас просочился через стену, оставшуюся целой и невредимой. Такое предательское поведение собственного тела несколько озадачило новоявленного супермена, и я прекрасно понимал, что сейчас чувствует мой друг.

Недавно я пережил то же самое.

Однако первое недоумение у Бакса быстро прошло, и он мгновенно сообразил, как использовать преимущества своего, так сказать, недоразвитого тела.

Бакс просто-напросто перестал реагировать на удары противников и, дождавшись, пока их колья и конечности поглубже увязнут в его по-прежнему объемистом теле, завалялся в ближайшую канаву с грязью, увлекая врагов за собой. Из канавы слышались дружные ругательства, перемежаемые звонкими оплеухами и боевыми воплями Бакса.

Тем временем очухавшийся Черчек успел подняться на ноги, а его ребята оттеснили оставшихся агрессоров к окoliце хутора.

Я оглянулся, ища глазами Тальку, и обнаружил, что он стоит у дверей сарая и с интересом наблюдает за происходящим. Лезть в драку он пока не собирался – и на том спасибо. Рядом с моим сыном еле-еле угадывался призрак однорукой Вилиссы.

Баксу помощь явно не требовалась – осознав свою неуязвимость и новые безграничные возможности для самовыражения, он веселился вовсю, и его противникам приходилось гораздо хуже, чем самому Баксу. Поэтому я побежал на подмогу Черчековым парням. Там уже подключились зрители, и защитникам хутора вновь приходилось туго.

До сих пор удивляюсь, как у меня хватило духу сделать то, что я сделал. Неуязвимость – дело хорошее, но когда несколько человек дубасят тебя здоровенными жердями, и эти жерди застревают в тебе... Больно все-таки!..

К счастью, Черчековы парни не растерялись, с криками набросились на обезоруженных мною противников и обра-

тили их в бегство. Я в погоне участия не принимал – остался на месте, вытаскивая из себя все эти кривые дрова.

И тут позади раздался еще один крик. Кричал Черчек, и, проследив за его вытянутой рукой, я увидел, что предполагаемый монах начал действовать. Воздев руки над головой, он медленно приближался, и с губ его срывались какие-то непонятные слова – вроде того, что вырвалось у меня сегодня утром.

Поведение монаха мне очень не понравилось. Я уже начинал потихоньку верить во все, что угодно, – обстоятельства вынуждали, – а от его заклинаний явно ничего хорошего ждать не приходилось. Тем более что от монашьей тарбарщины моя полуматериальная плоть закостенела и стала подсыхать, как свернувшаяся кровь на ране.

И тогда я увидел такое, от чего, несмотря на все предыдущие чудеса, застыл на месте – надеюсь, хоть не с открытым ртом.

Навстречу монаху шел Талька. Мой маленький Талька. И в то же время не мой. Глаза его дико сверкали, руки будто самопроизвольно совершали разнообразные пассы, а губы шевелились, произнося слова, которых, уверен, мой сын знать не мог. Впрочем, я тоже не знал ТОГО слова...

А потом я разглядел за спиной Тальки призрачную фигуру Вилиссы – и ощутил жаркую пенящуюся волну, захлестнувшую меня с головой. Я доверился ей, я что-то делал, что-то говорил; а рядом со мной уже шел Бакс, и он делал то же

самое. Монах запнулся на полуслове, та часть его лица, что была видна из-под капюшона, побледнела и стала почти такой же белой, как и сам капюшон; он попятился, а мужики уже бежали, бросая по дороге дубины... и я все никак не мог понять – что такого странного было во всей этой картине?! А через мгновение наваждение закончилось, и я наконец понял, что показалось мне странным.

Ни один из нападавших не отбрасывал тени.

Глава тринадцатая

*Теперь пора ночного колдовства.
Скрипят гроба и дышит ад заразой,
Сейчас я мог бы пить живую кровь
И на дела способен, от которых
Отпряну днем...*

В. Шекспир

...Черчеков хутор горел уже не раз. Мы успели обнаружить заросшие травой останки срубов более ранних времен – уголь и труха – и теперь прекрасно понимали причины их мрачного происхождения. Но даже не это, и не регулярные разбойные вылазки местного населения, одну из которых мы только что помогли отбить, – хуже всего было совсем другое.

Все упиралось в Переплет. Мы так толком и не поняли, чем этот Переплет является на самом деле, но, по словам

Черчека, весь здешний мир упирался в Переплет.

И здесь пришельцы из-за Переплета были обречены. А вернее, они были обречены ИЗ-ЗА Переплета, причем и ЗДЕСЬ, и ТАМ.

Проклятый Переплет, чем бы он ни был, отгораживающий этот мир – или кусок мира, что ничего для нас не меняло, – не давал бывшим Ведающим заново развить свой Дар. Не давал – и все тут! А когда человек, не развивший Дара заново, умирал, и дух его проходил через Переплет в любую сторону, – он терял память о прошлом, и его призрак восстанавливал тело, просто приспособливаясь к внешней среде. Наугад, так сказать. Ну и тело получалось соответствующее, не говоря уже о психике.

Вот и возвращались великие ведуны, становясь мелкой, почти не имеющей разума нечистью – лесной, водяной, домовой и черт его знает какой еще... кто куда попал и где сумел выжить, себя не помня. Здесь ли, там ли – одна судьба, одна на всех...

Черчек звал таких – Лишенные Лица. И голос у деда при этом был как с глухого похмелья.

Помнить, кем ты был; видеть, кем ты стал; ощущать в себе труп умершего и не способного возродиться Дара; жить уныло и позорно и знать, что после смерти тебя ждет гнилая участь Лишенного Лица... знать – и не иметь никакой возможности изменить скалящуюся в лицо судьбу.

Это был ад. Не для всех, живущих в нем, но для таких,

как мы, – ад.

Нет. Для таких, как мы, – нет. В нас был Дар. Чужой, случайный, краденый, во многом бесполезный, но – Дар.

Ну и что? Ну и – ничего...

...Некоторые упрямыцы пытались. У большинства попросту ничего не получалось, а тех, у кого все же начинал проклевываться робкий росток нового Дара, – тех вскоре находили мертвыми.

– Вот так и живем, – вздохнул старый Черчек. – Ни здесь выкрутиться, ни своих там, дома, предупредить... Вроде и вернемся домой, после смертушки, да только Лишенный Лица никого и ни о чем не предупредит. Так и сгинет в беспмятстве. А вообще – живем. Живем перед смертью...

– Да разве ж это жизнь, мать ее размать! – возмутился Бакс. – Это...

Он поискал подходящее сравнение, не нашел и в сердцах стукнул себя кулаком по колену, на миг смешав первое со вторым.

– Может, и не жизнь... так другой все одно нету. Правда, вы вот пришли... С Даром. Глядишь, и сумеете что-нибудь. Впрочем, парни, времени на это «что-нибудь» у вас с гулькин нос. Учужали вас! Сразу учужали. Вы думали, эти сегодня зря приходили? Нет, не зря... Дурачье, конечно, так приперлось – душеньку против шерсти почесать, – да только не сами они пришли. Их Страничник привел.

– Страничник – это который в белом? – серьезно осведо-

мился Талька. – А почему он – Страничник?

– Потому что за ним – страница из Зверь-Книги. Он за нее душу Книге продал, лапу Зверю целовал и слезой расписывался. А сюда пришел силу вашу испытывать. Он-то пришел, а вы ему по незнанию все, как есть, на подносе и выложили! Эх, не успел я вам сказать!.. Чай, не убили бы нас – бока бы намяли, как обычно, не впервой... И я, дурень старый, бухнулся бы им в ножки, ублажил – глядишь, покуражились бы да и убрались восвояси! Рано нам еще зубы показывать, рано со Зверь-Книгой тягаться... нет у нас ни зубов на Зверя, ни слов на Книгу... ничего у нас нету...

Черчек захлебнулся досадой и сунул в рот клочок пегой бородищи – жевать с горя.

– Ладно, – наконец пробурчал он. – Несколько дней у нас во всяком разе есть. Пока еще эта белая пакость к своим доберется, пока доложит, что вынюхал у Черчекова хутора, – а там уже и Большое Паломничество наступит. Местные, принявшие Закон Переплета, в Книжный Ларь поедут – к святыням приобщаться, себя Зверь-Книге показывать. А до того к нам никто не сунется. У них ведь все по правилам, по порядку... души чернильные!

Помолчали. Теплый ветерок как-то уныло посвистывал, бродя между замшелыми избами. Бакс, разжившийся у деда пригоршней местного курительного зелья, заменявшего табак, сосредоточенно дымил самокруткой из каких-то подозрительных сохлых листьев.

– Будешь? – он протянул мне окурок.

Я машинально затаился, и глаза мои чуть не вылезли на лоб. Более крепкого и вонючего самосада в жизни пробовать не приходилось!

Вот ПОСЛЕ – пришлось...

– Все, мужики, утро вечера мудренее, – сквозь зубы процедил Бакс, наблюдая, как солнце медленно сползает за неровный частокол верхушек деревьев. – Спать пошли. Вон у пацана глаза слипаются... Глядишь, поутру чего и надумаем, а то сегодня день какой-то... – Бакс сделал рукой неопределенный жест, отражающий его мнение о сегодняшнем дне. – Думаешь, если мы – привидения, так нас можно по башке дубасить, и ничего?! Может, и ничего, только мысли все, похоже, вышибло. В общем, завтра договорим.

Черчек угрюмо кивнул, и мы поднялись с бревен. Призрак Вилиссы последовал за нами. Как ни странно, но старик не обращал на нее ни малейшего внимания. Даже ни разу не заговорил с ней. Не видит он ее, что ли? А ведь как пить дать – не видит! Что ж это тогда получается...

Бакс аккуратно прикрыл дверь сарая – мы уже привыкли к этому сенохранилищу и решили ночевать в нем же – и подпер дверь изнутри увесистым поленом.

– Ну что, Вилисса? – поинтересовался он, не оборачиваясь. – Что скажешь?

– О чем? – прошелестел голос однорукого призрака.

И тут вмешался я:

– О Книге. О Зверь-Книге, которую упоминал Черчек. Тебе что-нибудь известно об этом дивном сочетании?

Говоря это, я почему-то отчетливо представил себе трехглавого змея с толстенными фолиантами на чешуйчатых шеях. Змей скалил книги-головы, и алая закладка облизывала острые зубы-буквы.

Ничего лучшего в мою голову не лезло.

– Известно, – слабо колыхнулся воздух, пропитанный ароматами кожи и сена. – Но я всегда считала, что это – сказка. Мудрая и страшная сказка.

Меня словно холодом пробрало. То, что было сказкой для потомственной ведьмы Вилиссы, – чем же это могло оказаться для нас?

Чем могло быть на самом деле?

– Сказывала мне моя бабка, – голос Вилиссы стал еле слышен, и я старался не пропустить ни единого слова, – будто слыхала она от своей прабабки, что где-то на свете – на этом ли, на том или на каком еще – есть Зверь-Книга в переплете из черного тумана. Кем писана – неведомо, кем читана – незнаемо, что в себе несет – не нам о том судить... А только если весь Дар собрать, что у Даровитых имеется, да все тайные знания к нему прибавить, что у Знающих водятся, – так в Зверь-Книге поболее того будет. Но читать Книгу эту нельзя, ибо Дар даром не дается... потому что как ты читаешь Зверь-Книгу, так и Зверь-Книга читает тебя, листая помыслы и чаяния дерзнувшего. И если она дочитает тебя до конца

быстрее, чем ты ее, то станет в Книге на одну страницу больше, а в мире – на одну душу меньше. И расхохочется черный туман, обнимая Книгу, пришедшую из Алой Бездны, Бездны Голодных глаз, которой маги пугают нерадивых учеников...

– Дальше! – не выдержав тишины, повисшей между нами, крикнул Талька. – Дальше!

– Все, – коротко ответила Вилисса. – Дальше ничего не знаю. И боюсь, что придется узнавать. Позовет Книжный Ларь – надо будет идти. Правда, Дар мой – у вас. А вы не умеете им пользоваться.

– А ты на что? – простодушно изумился Бакс. – Научи! Глядишь, и склеим твой Дар...

– Склеим... – печально усмехнулась Вилисса. – На учение время нужно. Нет у нас времени, и ничего у нас нет. Может, и впрямь надо было ждать, пока родится Йери-ер, Белая Старуха. Разве что...

– Разве – что?

– Разве что вы все-таки согласитесь умереть и передать мне Дар. А я уж дальше сама, как получится... если получится. Недаром же та, из снов, меня сюда звала. Наверное, есть еще надежда – мне со Зверь-Книгой встретиться, в Переплет ее постучать...

– А нам, значит, копыта отбрасывать? – недобро переспросил Бакс и кинул быстрый взгляд на полено, подпиравшее дверь.

По-моему, он нашел ему новое применение.

– Да. А что тут такого? Вы же назад, к себе, вернетесь...
– Призраками? Тенью отца Гамлета?!
– Да, призраками. А Дар вам память при переходе сохранит – он ведь добровольно отданный... вырастите себе новые тела...

Я прошелся по сараю, словно выбираясь из болота молчания, более красноречивого, чем любые слова.

Вроде бы все она говорила правильно... И Зверь-Книга эта, пугало молоденьких ведьмочек, прах их всех заberi! – не наша забота ее искать; и Дар нам Вилиссин – как корове седло, а Вилисса им пользоваться умеет... и память мы, похоже, сохраним, чем черт не шутит...

Умирать почему-то не хотелось. С чего бы это? Да все с того, с родимого... Вдруг врет нам бабка-девушка, или просто не сработает какая-нибудь деталь – и станем мы там или здесь банальными покойничками или этими... Лишенными Лица...

Меня передернуло. Это ведь похуже, чем просто смерть – наша, родная, атеистическая, с уютным НИЧТО в перспективе! Придется лет триста барабашкой по панельным домам шастать, полтергейсты на кухнях устраивать!

Кроме того – КАК мы будем умирать? Мне, значит, родного сына прирезать или вилами приколоть, после Бакс меня удавит, на радость Вилиссе, а сам напоследок в колодце утопится...

Есть у них тут колодец или к соседям идти понадобится?

Здрасьте, люди добрые, к вам утопленник стучится под окном и у ворот!

Похоже, на наших физиономиях ясно читались все эти мысли, и Вилисса была их единственным читателем.

– Я знала, что вы мне не поверите, – прошептала она, и легкий силуэт тюлевой занавеской качнулся у стены. – А когда поверите – поздно будет...

Бакс упрямо мотнул головой.

– Вот когда поверю, тогда и зарежусь! – жестко заявил он. – А до того – шиш с маслом!

– Ты знаешь, Баксик, – поддержал его я, – твои последние слова... Грубовато, конечно, но, в общем, верно. А ты, Талька?

– И мне не хочется, – протянул из угла Талька. – Правда... там мама осталась...

Глава четырнадцатая

*Все это надо взвесить:
Когда и как мы действовать должны.
Коль так не выйдет, и затея наша
Проглянет сквозь неловкую игру,
Нельзя и начинать...*

В. Шекспир

Утро отнюдь не оказалось мудренее вечера, но даже с утра

помирать никто из нас не торопился, так что мы на время отставили эту идею в сторону и собрались на военный совет.

Вилисса на нем тоже присутствовала и вела себя тише мыши. Старый Черчек – родич нашей ведьмы, свекор ее или что-то в этом роде, хотя по их рассказам мало что поймешь доподлинно! – так вот, Черчек ее действительно не видел и не слышал, но, похоже, проникся смутными подозрениями. Сама Вилисса отнюдь не спешила открывать престарелому родственнику свое присутствие, ну и мы, в свою очередь, дружно помалкивали.

Выходит, с призраками могут общаться лишь полупризраки вроде нас...

Как я понял из утренних новостей, Страничники и простое население сейчас группами прибывают к Книжному Ларю – храм местный, что ли? – и там причащаются святынями, после чего разъезжаются по городам и весям.

В основном по весям, потому что о городе старик упомянул один раз и в единственном числе. Впрочем, дед мог быть не силен в здешней географии.

Кстати, со свойственным коренному селянину презрением Черчек заявил, что горожане к Ларю ездят нерегулярно и редко когда группами. В основном в одиночку.

Слова «группы» Черчек не знал. Это его Талька научил, и оно деду ужасно понравилось.

– ХР-Р-Р-РУП-П-ПЫ! – рокотал старик, и борода его излучала море удовольствия.

По-моему, он считал это особо заковыристым ругательством и восхищенно поглядывал на моего сына.

Я прикинул шансы пробраться в толпе паломников к треклятому Книжному Ларю и на месте разобраться в ситуации. Отчаянно, но не безнадежно. Правда, что делать с легендарной Зверь-Книгой, буде таковая обнаружится, я не знал. Надеюсь, что она все же больше – Книга и меньше – Зверь... поглядим, удерем, а там и думать станем.

Я поразился собственной лихости и высказал соображения вслух.

Идея была принята, поскольку никто ничего лучшего все равно не предложил, и я тут же принялся объяснять Тальке, что он никуда по малолетству не пойдет, а останется на хуторе с...

Я чуть было не ляпнул «с Вилиссой», но вовремя заткнулся. Черчек решил, что я имею в виду его, и с грубоватой нежностью потрепал пацана по голове.

Существовала еще одна загвоздка, о которой мы даже не подумали, – наши тени. Я совсем забыл, что аборигены Переплета теней не отбрасывают, по непонятным мне причинам. Старый Черчек поджал губы, рявкнул на одного из своих парней, зачем-то сунувшегося в хату, – и брезгливо сообщил, что здешнюю шваль Солнце в упор не видит и видеть не хочет. Оттого, мол, они тени и не отбрасывают.

Это меня утешило мало. Но тут я заметил, что Вилисса что-то шепчет на ухо просиявшему Тальке, и тут же мой сын

нагло заявил, что ему, с его Даром, это дело – раз плюнуть. Он, дескать, таких туч недели на две вперед нагонит, что ни о каких теньях и речи быть не может.

Я глянул на Вилиссу, и она слабо кивнула в ответ. Ну что ж, глядишь, в паре с Талькой и выйдет у них что-нибудь...

Неугомонный Бакс немедленно собрался в разведку – как выяснилось, в ближайший сельский кабак, дабы испытать на практике «бестеневое освещение» и заодно произвести рекогносцировку.

Последнее слово также очень понравилось Черчеку, но с первых пяти попыток деду не удалось его произнести, и старик лишь тоскливо помянул свои молодые годы, зря ушедшие.

Я заподозрил, что кабак интересует Бакса и по другим соображениям, но промолчал. Меня эта Баксова идея вполне устраивала.

Талька с Вилиссой заперлись в сарае, и вскоре небо действительно заволокли угрюмые темные тучи – я только головой качал и диву давался, – а Бакс помахал мне рукой и отправился на разведку в кабак.

– Я тоже ухожу, – бросил я Черчеку. – Собраться поможешь? Только мне по-быстрому надо...

– В Книжный Ларь? – ухмыльнулся старик, показывая на удивление крепкие зубы. – Пошли, я тебе одежду подкину, за городскую сойдет... и харчишек на дорогу. А за мальчика не бойся – приглядим...

Я уходил к Книжному Ларю. Один. Бакса я брать с собой не собирался. Если что – он присмотрит за Талькой. В этом я не сомневался. Если что – пришедший за моим пацаном сначала встретит грубого толстого дядю Бакса...

Вот это «если что» и мучило меня больше всего.

Если – что?!

Глава пятнадцатая

Да ты... не ошибаюсь я, пожалуй:

Повадки, вид... ты —

Добрый мальчй Робин?

Тот, кто пугает сельских

рукодельниц...

В. Шекспир

Талька выбрался из сарая и радостно сообщил мне, что «делать погоду» уже не требуется – согнанные отовсюду тучи рассасываться явно не собирались, – а требуется просто время от времени приглядывать за ней, за погодой то есть, на всякий случай.

Похоже, мой сын уже наловчился приглядывать за небом и делал это в охотку и с удовольствием.

Потом Черчек, собиравший мой дорожный узелок, увел Тальку куда-то в сторону, шепчась с ним по дороге и поглядывая в мой адрес; Вилисса упрямо сидела в сарае, Черче-

ковых парней тоже видно не было... клубящиеся тучи навевали уныние, и до момента выхода делать было абсолютно нечего.

Я уселся на вкопанную в землю лавку и стал наблюдать за худющей черной кошкой, караулившей мышь или какую-другую добычу у дверей избы. Терпения у кошки было навалом, у меня – не меньше...

И мы дождались.

Из избы на порог бочком выбралось лохматое серо-болотное существо с ладонь ростом, напоминавшее маленького старичка. Лохматик огляделся и глухо заукал себе под нос.

«Домовой! – опешил я. – Ей-богу, домовой!»

Однако у настырной кошки появление домового не вызвало никакого удивления. Она стремительно прыгнула на свою намеченную жертву, но в последний момент домовенок успел заметить грозившую ему опасность и отскочил в сторону.

Завопив дурным голосом, он кубарем скатился по ступенькам и бросился наутек. В этом была его ошибка – ему следовало вернуться обратно в хату и забиться в какую-нибудь щель, откуда кошка не смогла бы его выцарапать. Во дворе же, на открытом месте, у него не оставалось ни малейшего шанса.

Но тут в его судьбу вмешалось Провидение. Вернее, привидение – в моем лице.

Брошенный мною увесистый камень в кошку не попал, од-

нако погоня была мгновенно прервана, и мяукающий хищник поспешил скрыться в узком лазу, который вел, очевидно, в подвал, — а насмерть перепуганный домовый с размаху ткнулся в мою ногу, наполовину уйдя в нее.

С видимым усилием и чмокающим звуком он выбрался обратно и, не удержавшись на маленьких кривых ножках, растянулся на земле. Я улыбнулся и протянул руку, чтобы поднять неудачника, — но тут из подвала раздался такой панический и душераздирающий мяв, что я невольно вздрогнул и глянул в ту сторону.

Незадачливая кошка пулей вылетела из лаза; шерсть на ней частично стояла дыбом, частично висела клочьями. Животное рвануло через двор и мигом исчезло, а из лаза показалось следующее действующее лицо.

«Родственник», — догадался я. Действительно, человечек из подвала был копией первого домового, разве что несколько крупнее и более взъерошенный. Цвет его был ближе к бурому; в ручках он сжимал острую и ржавую железку. Когда-то это, видимо, был нож, но для подвального героя он служил боевым двуручным мечом, чуть ли не с него самого ростом. Если не больше.

Рядом со мной зашелестела трава, и я обернулся. Это подошли Черчек с Талькой. Талька во все глаза глядел то на одного домового, то на другого.

Лицо старика было сумрачным, как всегда.

— Домовые? — на всякий случай осведомился я.

– Они самые, – кивнул Черчек. – Этот, – он указал на кошачью жертву, сидевшую на земле у моей ноги, – этот – запечник. В доме живет, за печкой, значит... Куролесит помаленьку, но ничего, терпеть можно. А вон тот, злющий, – подвальник. У-у, Падлюк!

– Что, вредный? – сочувственно спросил Талька.

– Не то слово! – Тут Черчек узрел железку в руках подвальника, и его лицо (Черчека, а не домового) налилось дурной кровью. – А-а, так вот куда мой ножик запропастился! Я его, как дурень, с зимы ищу, а он тут, рядышком! Ну, Падлюк (это кличка у него такая, Падлюк, – пояснил старик мне), ну, зараза, ты у меня допрыгаешься! А ну, отдай немедленно!..

Подвальник по кличке Падлюк скорчил в ответ гнусную рожу – она у него и так была весьма паскудная, а стала еще гнуснее, – затем скрутил здоровенный, не по росту, кукиш и шмыгнул обратно в подвал.

Чем и спасся от полена, которым не замедлил запустить в него возмущенный Черчек.

Нож подвальник, естественно, уволок с собой.

– Так вот чем он бочку с квашеной капустой открыл! – продолжал кипятиться дед. – И добро б сожрал, а то по всему погребу разбросал! Вонища теперь от нее – я-то не сразу спохватился... А ты, Болботун, чего веселишься?! – прикрикнул он и на запечника. – Небось вместе шкодили, а?

Запечник Болботун поспешил спрятаться за мою ногу, а Черчек все бушевал, сразу забыв о нем:

– Ну попадись он мне, этот паразит! То сапоги дерьмом вымажет, – старик уже обращался ко мне, явно в поисках сочувствия, – то зимой ступеньки водой польет – чуть ноги себе не переломал! И свечи все в доме сожрал, на пару с этим, – обличающий перст уперся в прятавшегося за моей ногой Болботуна. – Падлюк! Одно слово – Падлюк!..

Внезапно Черчек успокоился и, отвернувшись, тихо проговорил:

– Вот это и есть Лица Лишенные... Память то есть потерявшие. И я таким стану... после смерти. Или еще чем хуже. Недолго ждать осталось...

Он замолчал и медленно побрел к дому, так и забыв отдать мне собранный узелок.

Я совсем по-другому взглянул на запечника, который развлекался тем, что со всего размаху всаживал свой маленький кулачок в мою ногу и с чмоканьем извлекал его обратно. Вот он, бывший маг, колдун, владелец Дара, живая сказка, прошедшая сквозь врата смерти...

Зачем? А вот зачем...

Я порылся по карманам и обнаружил кусок зачерствевшей оладыи. По крайней мере лучше, чем свечка.

Присев на корточки, я протянул еду запечнику.

– Давай знакомиться, хулиган... Меня зовут Анджей. Есть хочешь?

Отскочивший было Болботун недоверчиво покосился на меня, опасно приблизился, поспешно схватил угощение и,

пискнув что-то неразборчивое, снова отскочил. Еще разглянул на меня и набросился на еду.

Талька тронул меня за плечо.

– Ты знаешь, папа, – вздохнул он, – Черчек мне тоже умереть предлагал. А Дар ему отдать. Говорил – я тогда к маме вернусь... тебе просил не рассказывать, а то, мол, ты сердиться будешь. Я, конечно, хочу к маме... только страшно. Вдруг умрем, а потом – как эти, – Талька указал на жадно жующего запечника. – По подвалам прятаться...

Болботун слизнул крошки и уже уверенней шагнул ближе, знаком прося добавки. По-моему, он начал ко мне привязываться. На мою голову.

– Эй, – заорал в хате Черчек, громыхая посудой, – сюда иди! Поешь перед дорогой да переоденешься...

Я смотрел на Болботуна. Взять его с собой, что ли? Живая душа, все веселее...

Рядом сопел Талька. Он тоже хотел идти со мной и знал, что не возьму.

И не возьму. Я нутром чуял – а может, не нутром, а доставшимся мне осколком Дара, – что здесь ему будет безопаснее. Здесь – Бакс. Здесь – Черчек и Вилисса, которым мой сын позарез нужен живым.

Чтобы он мог добровольно умереть.

И отдать им Дар.

Я неслышно выругался и пошел к избе...

Интермедия

Бакс

*Кто скажет мне «подлец»?
Пробьет башку?
Клок вырвав бороды, швырнет в лицо?
Потянет за нос? Ложь забьет мне
в глотку
До самых легких? Кто желает первый?
Ха!*

В. Шекспир

...Ребята поработали на славу – все небо, как матом, обложило серой мглой, и никакой тени видно не было. Странно получается: мы – нечисть по их понятиям – тень отбрасываем, а они, вроде как нормальные люди, – нет. У нас дома все наоборот... Может, они как раз нечисть и есть?

Ладно, чего зря мозги сушить... Вон, кстати, и кабак – здоровенный бревенчатый дом с широким и на удивление чистым крыльцом... ни тебе плевков, ни окурков, ни шелухи от семечек – чисто воскресная школа, а не злачное место!

Вот черт. Опять забылся – пальцы сквозь ручку прошли! Аккуратнее надо, медленнее... вот так.

Хорошо, что не стемнело еще полностью и свечей не палят – а то бы меня мигом раскусили. А так – ничего, сойдет.

Вон и столик свободный.

– Чего изволите, Человек Знака? – вырастает передо мной толстопузый хозяин.

Человек Знака? Ладно, леший с ним, пусть будет Человек Знака.

– Пиво есть? – Какой-то мелочью я у Черчека разжился, на пиво наскребу...

– Конечно!

– Два пива.

– Желаете что-нибудь из еды?

Да ну его, авось хватит!..

– Желаю. Рыбку желаю.

– Сию минуту!

Хозяин исчезает. И тут же возникает вновь, с двумя глиняными кружками, на которых стоит подносик с сочащейся жиром рыбиной, нарезанной изящными ломтиками, и из них выглядывает алая икорка. Однако! Обслуживание у них – как у нас в ресторане... да еще не во всяком. Может, и житье-бытье у них не такое сволочное, как его старый лопух Черчек расписывал? Ну пришли местные оболтусы плюхами перекинуться – так у нас это дело сплошь и рядом! Взять хотя бы того лохматого, что с НАШЕГО хутора, – за банку первача ножом пырнет!

Тут я замечаю, что хозяин заведения все еще стоит возле моего стола. А-а, конечно, – денег ждет! Счет выписывать здесь, похоже, не принято. Кстати, и вывески на кабаке нет

– странно...

Осторожно, чтобы не въехать рукой внутрь стола, лезу в карман. Извлекаю оттуда всю наличность (главное, чтобы сквозь ладонь не просыпалась).

– Этого хватит?

Хозяин оторопело смотрит на меня и молчит.

– Что, мало?

Хозяин совсем теряется, бормочет что-то непонятное, берет деньги, оставляя мне две монеты, и пятится к себе за стойку. Чего это он? Может, я что не так сделал? Ну и хрен с ним!

А вот пиво у них отменное – густое, темное, холодное и неразбавленное! Не то что у нас... Рыба, правда, на вид незнакомая, так мне с ней не лясы точить, а к пиву – просто прелесть...

Сижу. Пиво пью. Гляжу по сторонам. Хорошо! Закурить бы еще – так никто не курит. Ну и кабак! Все сидят тихо, чинно, почти не разговаривают, не курят, не шумят... и больше двух кружек никто не берет – ни одного пьяного или даже заметно подгулявшего.

Впору табличку вешать: «Кабак высокой культуры!» И надписи неприличной ни одной нету...

Заходят еще двое – самая что ни на есть деревенщина, разве только не в лаптях. Хотя нет, один в лаптях! И туда же – шапки долой, с порога кланяются, ноги вытирают... как в японских тренировочных залах, додзе по-японски... Только

там еще приговаривают: «Здравствуй, зал, я пришел совершенствоваться!»

А тут как? Здравствуй, кабак, я пришел совершенствоваться?

Батюшки – за стол садятся одновременно и совершенно одинаково. Почище, чем в армии! Так ведь никто за ними не смотрит, вроде бы сержантов тут нет...

Или есть?

Опять хозяин тут как тут, сама любезность, рожа от радующия скоро лопнет.

– Чего изволят Люди Знака?

– Мы нижайше просим вас принести горячей еды для двух человек и по одной кружке пива каждому сидящему перед вами.

– Извольте!

Твою маму!.. С виду – мужики как мужики, только что от сохи, а выражаются – чисто интеллигенты прошлого века! Хотя черт его знает, как тогда интеллигенты выражались, может, еще похлестче меня!..

Ага, жратву притащил... Ну, что теперь?

– Возблагодарим Книгу Судеб за пищу телесную!

– Возблагодарим!

– Спасибо и ласковому хозяину!

– И гостям дорогим – спасибо!..

Так вот он чего от меня ждал! Еще бы, таких слов и я бы дождался... а денег они сразу не дали. Так, вот один встал...

– Спасибо этому дому!

И деньги – на стойку. А хозяин их даже не считает – и так, видно, знает, что тютелька в тютельку...

– Спасибо и вам. Приходите еще. И пусть свет Книги Судеб озарит ваш путь...

Вот это да! Как в кино. И в самом деле – иной мир. Какие они все были на хуторе – злые, потные, с колами, – а тут только что целоваться друг к другу не лезут! И не спяну ведь... здесь и пьяных-то – ни одного.

С этими церемониймейстерами надо держать ухо востро. И вообще пора отсюда сваливать, пока меня не раскусили, – драться мне сегодня неохота, а на такую вежливость я не потяну. И на дворе темнеет, того и гляди свечи зажгут... и пиво я допил.

Ну-с, как у них это звучит?

– Спасибо вашему дому, пойдем к другому!

Вроде так? Да не смотри ж ты на меня такими квадратными глазами, я тебе уже заплатил! Забыл, что ли?

Ага, вспомнил!

– Спасибо и вам. Приходите еще. И пусть свет Книги Судеб озарит ваш путь, – скороговоркой выпаливает хозяин. Похоже, он очень рад, что я наконец покидаю его богоугодное заведение.

Мы, как болванчики, кланяемся друг другу – кто кого перекланяет. Тут я вспоминаю кое о чем и вместо того, чтобы направиться к двери, иду к тлеющему в углу камину.

Я лезу в карман, достаю превосходный окурок и прикуриваю от углей, мельком бросая взгляд на хозяина. Он совершенно ошалел, а все посетители просто прилипли гляделками к моей самокрутке.

— Извиняюсь, люди добрые! Я сейчас выйду.

И я поспешно покидаю этот странный кабак. Слишком поспешно. Пальцы снова проходят сквозь ручку. Черт! Но, кажется, никто ничего не заметил.

Плотно закрываю за собой дверь. Снаружи моросит мелкий противный дождик. Явно наши перестарались...

Стою под навесом на крыльце, курю. Похоже, я немного напортачил. Могут и сообразить.

Плвать! А впрочем...

Я с удовольствием давлю окурок на воощеных досках крыльца и смачно сплевываю.

Хреновый из меня разведчик! Грублю, пива много пью... курю еще...

Бросить, что ли?

Сага о книжном ларе

Сигурд Ярроу посмотрел на Книгу. Она была неподвижна – оазис мертвого спокойствия в разверзшемся аду. Она ждала.

Г. Л. Олди, «Сумерки мира»

Книга жила, ком мерзейшей мощи природы, спрут тайных знаний, стремящийся вырваться из толици скал и тройных заклятий; вырваться, выползти через своих владельцев – своих рабов!..

Г. Л. Олди,

«Живущий в последний раз»

Якоб огляделся – молчал алтарь, черный валун Книги неподвижно лежал на прежнем месте, и застывший идол ухмылялся своей оплавленной загадочной маской.

Г. Л. Олди, «Страх»

Глава шестнадцатая

Благородный муж не отойдет от истины, если станет ограничивать излишнюю ученость посредством ритуала.

Конфуций

– ...Пшел вон! – чавкнула грязь под ногами. –

Хххххммм!...

Я промолчал и лишь оперся о телегу, с которой только что спрыгнул. С неба третий день накрапывало, земля успела раскиснуть и превратиться в липкое месиво, пахнущее давленными грибами; и настроение у меня было, как у той пегой клячи, что покорно тащила телегу через все это безобразие.

Серая обложная дерюга у меня над головой – результат совместных усилий Тальки и Вилиссы – время от времени трещала по всем швам, пропитывая мир бесцветным однообразием; и я мог не опасаться за свою предательскую тень.

В этой грязи утонула бы и тень архангела с тенью трубы во рту, возвещающей день – или тень? – Страшного Суда.

– Ладно, – сказал я сам себе, засовывая большие пальцы рук за новенький пояс с наборными серебряными бляшками (и где Черчек его выискал?). – Ну-с, что мы имеем дальше?..

В кармане моей городской, привозного синего сукна, накидки завозился Болботун. Я успокаивающе похлопал ладонью по карману – и запечник тут же уцепился за обтянутую полоской кожи кромку и полез вверх, подтягиваясь и болтая ножками.

– Цыц! – шепнул я одними губами, зная, что слуху Болботуна черной завистью завидуют волки в лесу. – Уймись, недоделок!

Я вовсе не грубил запечнику – иного обращения он попросту не понимал и на просительный тон вообще не реагировал.

Запечник уgomонился, и я стал оглядываться по сторонам.

Редкий лес вокруг меня кишел паломниками. Действовали они на удивление слаженно и результативно, без лишней возни и суеты; прямо на глазах возникали шалаши и какие-то сооружения из веток и ткани, напоминавшие палатки или юрты кочевников.

У немногих деревянных домиков, стоявших здесь с самого начала, разжигались костры и устанавливались опоры для вертелов и котлов.

Еще дальше виднелась крыша приземистого каменного здания – наверное, это и был Книжный Ларь, местная святыня. Мне он напомнил беременную жабу, сидящую в осоке, – тем более что с запада и юга Ларь окружал глухой на вид частокол.

Не самое удачное сравнение для культовой постройки – но другого у меня не было.

...Кряжистый детина налетел на меня, чуть не сбив с ног, по инерции проскочил еще несколько шагов и остановился, глядя мне в лицо.

Я уже начал было прикидывать варианты, самым приемлемым из которых была попытка спешно уйти от краснорозега торопыги, – и внезапно я узнал его. Узнал, и все варианты завертелись в моей голове, колотясь о стенки черепа.

Передо мной стоял Пупыр. Чей нож ковырялся в моих ребрах еще при первом пришествии.

Я машинально обернулся – нет, приятеля Пупыря с дуби-

ной близости не наблюдалось.

— Беру на себя! — глотая слова, забормотал Пупырь, низко кланяясь. — Все, как есть, беру на себя, и прошу великодушно простить за Поступок... во имя Переплета, равнодушно-го и неумолимого...

Он замолчал и виновато уставился в землю. Пупырь явно чего-то ждал от меня — чужого для него человека, поскольку Пупыриная память оказалась изрядно дырявой, — он ждал, а я остолбенело слушал его извинения и чувствовал себя полным идиотом. Уж лучше бы он дал мне в морду! — чего я, собственно, и ожидал — или выругался... Да что ж я, как Болботун, речь нормальную понимать разучился?!

Беру на себя... простить за поступок?

— Беру на себя, — повинуюсь неведомому наитию, просипел я и указал рукой на свое горло — хвораю, мол, голос пропал...

Пупырь просиял, еще раз перегнулся в поясе и умчался по своим делам. А я остался стоять, и только возня запечника в кармане привела меня в чувство.

Я пошевелил пальцами ног — мягкие замшевые полусапожки были немного малы, — покачался с носка на пятку и решил держаться прежней личины: состоятельный горожанин, скорбный горлом и незнакомый с прочими паломниками, а посему оправданно молчаливый и неуклюжий.

Черчек заверял, что в это время — в смысле, в самом начале Большого Паломничества — горожан у Ларя почти не бывает. Ну что ж, положимся на его опыт.

И все-таки – извиняющийся Пупыр... Черт меня побери!

Я одернул накидку, прижал к боку трепыхающегося Болботуна и зашлепал к ближайшему, так сказать, кормилицу. И поилищу, поскольку у крыльца дома торчали два бака из желтого металла, где что-то булькало, и три пивные бочки.

Я боялся. Дурацкие шутки, которые я судорожно выдаивал из дряблых сосцов моего сознания, не помогали. Я боялся. Очень. И страх был более материален, чем мое тело.

Плотный, горячий, пахнущий мокрой хвоей страх.

Я остановился у чахлой сосны и принялся наблюдать за группой паломников.

Они собирались кушать. И делали это так же основательно и деловито, как и все остальное. Раз – и столы, похожие на длинные лавки, застелены чистыми скатертями. Два – и миски стоят ровными рядами, а рядом с каждой лежит глубокая деревянная ложка. Три – и две дюжины человек сидят за столами на скамьях. А толстая повариха в ситцевом переднике методично сует половник в казан, и порции дымящегося варева наполняют подставленные миски.

Это было невероятно. Двадцать с лишком сельских мужчин и женщин – я готов был поклясться, что они и знакомы-то друг с другом не были! – за несколько минут сумели все организовать и приступить к трапезе, ни разу не толкнув друг друга, не повысив голоса, не забрызгавшись, не заняв чужое место, не...

Я почему-то вспомнил Ингин рабочий шкаф. Каждая пап-

ка моей жены знала там свое место, каждый карандаш – отведенный только ему стаканчик, любая книга мгновенно находила свою персональную щель между прочими... Эти люди – собравшиеся пообедать крестьяне, паломники Книжного Ларя, – они словно умели безошибочно ориентироваться в возникающих ситуациях и входили в пазы бытия, уготованные им, легко и без скрипа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.